

Илья Шумей

СТРАНА ОВЕЦ

QC PASSED

Annotation

Когда-то давно для того, чтобы выгодно пристроить свою душу, требовалось заключить сделку с самим Дьяволом. Но прогресс не стоит на месте, и сегодня обмен собственной индивидуальности на реальные земные блага стал вполне обыденным делом. Теперь любой желающий за умеренную сумму может пройти процедуру Психокоррекции и стать лучше, навсегда избавившись от своих пороков и развив добродетели. Это модно, это престижно, это, наконец, выгодно.

Однако у любой медали всегда есть обратная сторона...

Илья Шумей

Страна овец

Впервые я столкнулся с Пустышкой, когда мне только-только стукнуло двенадцать.

Наша семья жила тогда в захолустном пригороде, настолько замкнутом на самого себя, что даже течение времени здесь отличалось от остального мира. Оно было размеренным и неспешным, сонным как дворняга, развалившаяся на солнцепеке, и с каждым годом отставало от окружающей действительности все сильнее и сильнее. Все, что происходило дальше, чем ходил единственный рейсовый автобус, казалось байками с другой планеты.

Еще одним маленьким окошком во внешний мир был старенький телевизор, но отец крайне негативно относился и нему самому и ко всему, что он показывал. Кроме футбола. Все остальное он считал жвачкой для дебилов и иногда даже прятал от меня пульт управления, чтобы я не засорял себе мозги всякой ерундой. Потом, когда даже футбольные трансляции начали прерываться рекламой салонов психокоррекции, а спортивные новости превратились в сплошную череду скандалов, касающихся атлетов, которых поймали на незаконных оптимизациях, мы вообще перестали его включать.

Данное обстоятельство не сильно меня печалило, поскольку и без «ящика» занятий оставалось более чем достаточно. В таком возрасте в игру можно обратить что угодно. Одна только свалка за Заводом чего стоила. Мы с ребятами могли пропадать на ней сутками, выковыривая из груд хлама непонятные, а оттого крайне привлекательные детали приборов и механизмов. Наш сарай был почти наполовину забит принесенной оттуда «добычей». Мать, конечно, ворчала, но отец не возражал, полагая, наверное, что когда-нибудь количество перерастет в качество, и в радиоэлектронных завалах зародится некая форма жизни. Обитавшие там мыши в расчет не принимались.

В плохую погоду, то есть, когда дождь хлестал с такой силой, что бурые потоки, несущиеся по придорожной канаве, вздымали целые фонтаны, разбиваясь о столбы забора, я находил утешение в казавшейся необъятной отцовской библиотеке. Своей хаотичностью и бессистемностью она походила на мою сокровищницу в сарае, а потому была мне как родная. Раскопки среди кип старых журналов отняли, пожалуй, не один год моей юности.

В тот памятный день погода стояла отличная, но Вадик на все лето уехал к бабушке, а Сашка валялся дома с больным горлом (не стоило ему на спор купаться в одежде, а потом сушить ее на себе, прежде чем идти домой). Я был предоставлен сам себе, но выбор развлечений, коими можно заниматься в одиночку, был куда более скудным, нежели в компании, и я банально маялся со скуки.

Солнце пекло просто немилосердно, и ноги сами собой тянули меня в тень. Я уже не помню точно, каков был алгоритм моих перемещений, но в конечном итоге я оказался на старой раскидистой иве, что росла рядом с перекрестком, от которого шла дорога в наш городок. Лежа на ее мощных ветвях, я рассеяно наблюдал за проезжающими по шоссе машинами, придумывая себя различные «задания» и выполняя их. Ну, например, определить, сколько легковушек приходится в среднем на один грузовик или сосчитать количество автомобилей разных цветов и определить самый популярный оттенок и так далее.

Моя медитация была прервана маленьким ярко-желтым автомобильчиком с открытым верхом, который, вынырнув из потока, свернул на наш проселок и остановился почти прямо

под моим наблюдательным постом. За рулем сидела девушка лет двадцати, которая сосредоточенно изучала экран навигационной системы и время от времени хмурила тонкие брови, тыча в него пальчиком.

Она находилась так близко от меня, что я, спустив вниз ногу, вполне мог дотянуться до ее головы. Искушение оказалось столь сильным, что я не удержался.

– Привет! – гаркнул я существенно громче, чем требовалось.

Девчонка взвизгнула и аж подпрыгнула на сиденье от неожиданности. Покрутив головой по сторонам, она, наконец, догадалась посмотреть наверх.

– Привет, – отозвалась она, облегченно вздохнув.

– Что, заблуди... ла... ла... – слова неожиданно превратились в густой сироп, который тут же засахарился и застрял у меня в глотке.

Я разглядел медальон, висевший у нее на шее.

Ощущение было такое, будто у меня в голове разорвалась бомба, вмиг превратившая мозги в ком ваты. На несколько секунд я полностью утратил возможность соображать.

Представьте себе, что Вы, выйдя из дома, вдруг нос к носу столкнулись со Снежным Человеком, или с маленьким зеленым инопланетянином, кому что нравится. Да, Вы много слышали о них, видели репортажи, каждый раз в глубине души снисходительно посмеиваясь над очередной уткой. Вполне возможно, Вы даже допускали их существование, почему бы и нет, но где-то там, очень далеко. И вдруг...

Разумеется, я был наслышан о Пустышках. У нас в доме, пожалуй, ни один вечер не обходился без того, чтобы отец не отпустил в их адрес какой-нибудь язвительный комментарий. В том ворохе сведений, что сыпались на мою голову из самых разных источников, встречались и откровенно бредовые рассказы, и те, что вызывали улыбку, а встречались и такие истории, от которых мурашки пробегали по спине. Кто знает, что может взбрести в голову человеку, у которого в мозгу заменили несколько шестеренок...

В общем, к такой встрече я оказался совершенно не готов.

– Ну ты меня напугал! – ответ девушки с некоторой задержкой сумел-таки добраться до моего оцепеневшего рассудка, – да уж, малость заплутала. Это дорога в Кемарово, верно?

– Э-э-м-м-м, – только и смог выдавить я. Мои глаза тем временем лихорадочно и суетливо изучали незнакомку, пытаясь отыскать признаки неведомой опасности.

Худое бледное лицо с игривыми ямками на щеках, аккуратно подстриженная шапка бронзовых волос, вежливая улыбка на тонких губах и открытый, доброжелательный взгляд, в котором все явственней начинала проступать озабоченность.

– Ты в порядке? Ты не болен?

– А? Я? Э-э-э, нет, все в порядке, – дар речи, наконец, вернулся ко мне, правда, в сильно урезанном виде, – все нормально, да.

– Ты уверен? Ты такой бледный!

– Нет-нет! Все отлично! – затряс я головой, в то время как мой взгляд оставался прикован к злополучному медальону.

– Ну ладно, – с некоторым сомнением уступила она и повторила свой вопрос, – эта дорога в Кемарово?

– Ага!

– Говорят там рынок хороший. Если я так поеду, я на него попаду?

– Да, с полкилометра, не больше. Мимо не проедете.

– Что это ты вдруг на «Вы» перешел? – девушка удивленно вскинула тонкие брови.

– Я? Да так...

– Тебя как зовут-то?

– Меня? Олег, – я понимал, что с каждой секундой становлюсь все больше похож на идиота, но ничего не мог с собой поделаться.

– А меня – Вика, – представилась она, – тебя подвезти?

– Нет! – пискнул я, покрываясь потом от одной только мысли о том, чтобы очутиться с ней в одной машине, – не надо, спасибо! Я вообще шел в другую сторону!

– А почему оказался на дереве?

– Я отдыхал... уже отдохнул! Мне уже пора, извините!

– О! Прошу прощения! – Вика взялась за руль, – не смею тебя более задерживать. Спасибо и всего наилучшего!

Автомобильчик глухо заурчал и покатился дальше по пыльному проселку. Я же, скатившись с ивы, перемахнул через забор и прямо через поле кратчайшим путем со всех ног помчался к дому.

Отец сегодня снова не пошел на работу, поскольку ожидал чьего-то звонка, и сидел на веранде, в очередной раз ковыряя вынутый из скважины насос, который ломался с прямо-таки удручающей регулярностью. В несчастном аппарате уже не осталось ни одной родной детали, но это ничего не меняло.

Я взлетел на крыльцо, весь покрытый пылью и задыхающийся после стремительного забега.

– Я Пустышку видел! – выпалил я, остановившись прямо перед отцом.

– Пустышку? – перепачканные в машинном масле руки застыли над распотрошенным насосом, – где?

– Там, у перекрестка, – я махнул рукой с сторону дороги.

– Давно?

– Да только что, минут пять назад!

– Ты уверен?

– Я видел медальон у нее на шее, – я покрутил пальцем около того места на груди, где он висел у Вики.

– И что она там делала?

– Поехала на наш рынок.

– Какого черта ей здесь надо?! – фыркнул отец, ни к кому конкретно не обращаясь, и вновь пристально посмотрел на меня, – она тебя видела?

– Да, мы с ней...

– Ты что, с этой мразью разговаривал!?

– Да так, всего пара слов... – я слишком поздно понял, какую оплошность совершил, – она только...

Грозно, как надвигающееся цунами, отец поднялся из-за стола. Он отбросил в сторону отвертку и крепко ухватил меня за подбородок мозолистой и пахнущей металлом рукой.

– О чем вы с ней трепались!?

– Н-ничего особенного, – его пальцы так сильно сжимали мою челюсть, что говорить было даже немного больно, – она лишь спросила, как проехать на рынок, и все.

– Что еще? – он встряхнул меня, почти оторвав от земли, – что еще ты ей рассказал? Она у тебя еще что-нибудь выпытывала?

– Т-только мое имя, – проблеял я, безуспешно пытаясь попятиться.

– И ты сказал ей?

– Ну-у-у...

– Отвечай!!!

Я очень хотел соврать что-нибудь, но мой своенравный язык рассудил иначе.

– А что в этом такого?

– Кретин! – хлесткая оплеуха швырнула меня на доски пола, – тебе что, жить надоело!?

Я сколько раз тебе объяснял: даже не приближайся к Ним, ни в коем случае не заговаривай и не смотри Им в глаза! Или ты совсем тупой!? Хочешь, чтобы и тебе мозги вычистили и память стерли!? – отец добавил еще пару выражений, которые мне слышать не полагалось.

– Но я же не знал, что она – Пустышка! – попытался оправдаться я, – я только потом разглядел...

Отец шагнул вперед и, наклонившись, снова стиснул мою шею, пристально всматриваясь мне в лицо.

– Что случилось? – услышав шум, на веранду выглянула мать.

– К нам в город Пустышка пожаловала, – объяснил отец, чуть ли не с омерзением отдернув от меня руку, – и этот остолоп уже успел с ней где-то пообщаться!

Негромко охнув, мать привалилась к дверному косяку.

– Что же теперь будет? – дрожащим голосом спросила она, с трудом удерживаясь от того, чтобы не скатиться в панику.

– С этим балбесом уже ничего не поделаешь, – отец снял с вешалки куртку и направился к выходу, – будем надеяться, что у него в голове кости больше, чем мозгов.

– Ты куда собрался?

– На рынок, куда же еще! Я не допущу, чтобы такие перепрограммированные недочеловеки свободно расхаживали по моему городу!

– Это же опасно! – мать попыталась уцепиться за руку отца, но тот вывернулся и сбежал по ступеням крыльца.

– Или мы остановим их сейчас, или завтра ты столкнешься с ними на пороге собственного дома. Мне, знаешь ли, и бойни в Иглинске хватило, я не хочу, чтобы подобное повторилось и здесь, – отец зашагал по тропинке, ведущей к задней калитке, но не выдержал и побежал.

Воспользовавшись моментом, я метнулся к окну, вскочил на подоконник и был таков.

Не желая сталкиваться с отцом, я отправился окольным путем через соседские огороды и дальше, по краю заросшего ивняком оврага. В Кемарово, почти как в древнем Риме, все дороги вели к рынку, который являлся фактическим центром города. Догадайся я тогда взять велосипед – успел бы к месту событий раньше отца, а так... Впрочем, он тоже прибежал на площадь, когда события уже неслись галопом и дополнительных понуканий не требовалось.

Я еще издали увидел, что в торговых рядах творится что-то неладное. Места за прилавками пустовали – побросав торговлю (что было совершенно немыслимо), и продавцы и покупатели сгрудились у дальнего конца рынка, откуда доносились разноголосые выкрики.

Вгрызаясь в людскую массу, как червяк в спелое яблоко, я довольно скоро протолкался к эпицентру происходящего и застыл как вкопанный.

Я расстался с Викой от силы пятнадцать минут назад, я еще помнил, как поблескивали на солнце ее улыбающиеся губы, как легкий ветерок трепал ее волосы. Контраст с увиденным был столь силен, что я отшатнулся назад, наткнувшись спиной на людскую стену, которая словно амфитеатром охватывала девушку, съезжившуюся на земле подле своей

опрокинутой желтой машины.

Ее одежда была перепачкана в грязи и налипших осколках яичной скорлупы, блузка лишилась левого рукава, лицо с начинающим заплывать глазом покрывали ссадины и кровоподтеки. Свой медальон Вика сжимала в кулаке, и обрывки цепочки свисали между изодранных пальцев. В другой руке она держала единственную уцелевшую туфлю. Босые ноги ерзали по земле, когда девушка пыталась уже не убежать, но хотя бы отползти от надвигающейся на нее толпы.

Но пропитанный ужасом мороз по коже у меня заструился не от ее плачевного внешнего вида, а от того, что даже сквозь маску из пыли и крови, Вика продолжала вежливо и доброжелательно улыбаться окружающим, как будто ровным счетом ничего не изменилось.

Позже я узнал... нам всем весьма доходчиво *объяснили* (отец только на третий день смог встать с постели), что да как...

В ПсихоКарте у Вики стояли установки на максимальную доброжелательность, приветливость и желание услужить. Она не могла раздражаться или сердиться, ей было запрещено повышать голос и прибегать к любым формам насилия, даже для самозащиты. Когда нам выставили счет «за причинение ущерба чужой собственности», мы также узнали, *во сколько* обходятся услуги такой идеальной домработницы. Ведь ее лишили даже возможности плакать!

Девушка работала горничной в одном из дорогих коттеджей, что как грибы росли вдоль шоссе неподалеку от нашего поселка. Кто-то посоветовал ей покупать свежие овощи на нашем рынке, и она так и поступила. Она же не догадывалась, как относятся к Пустышкам в здешних, отставших от мира на несколько десятилетий краях. Об этом-то ее никто не предупредил.

И сегодня Будущее на маленьком желтом автомобильнике, оставляя за собой хвост дорожной пыли, собственной персоной явилось к нам в городок. Где и столкнулось с теми, кто его прихода не ждал. Более того, страстно желал, чтобы оно вообще никогда не наступало, готовый с кулаками отстаивать свое священное право продолжать жить по старым лекалам. Как будто неумолимое движение времени возможно остановить при помощи тумачков, затрецин и метания яиц.

Ведь долгая жизнь на отшибе развивает в людях наивную инфантильность, порождающую уверенность в том, что сложные вопросы всегда имеют простые и очевидные решения. Они попытались сказать Будущему свое решительное «нет», но оно попросту не обратило на них внимания.

Рано или поздно, но Будущее обязательно наступает. Оно заставит вас измениться, эволюционировать, освоить новые машины и технологии, принять иные моральные нормы и смириться с неизбежными издержками. Оно отправит вас к другим планетам и призовет на подвиги. Оно войдет к вам без стука, чтобы вручить персональную ПсихоКарту, повесить медальон на шею и сделать вас сильнее, умнее и лучше, даже не спрашивая, нравится вам это или нет.

Да, сейчас его воплощение сидело в пыли, покрытое синяками и ссадинами, однако данная локальная стычка ни на что не влияла и уже ничего не могла изменить. Перепуганные жители Кемарово молча смотрели на свое Будущее, а оно смотрело на них в ответ, и в его сухих непонимающих глазах стоял немой вопрос: «За что?»

Неожиданно взгляд Вики упал на меня. К моему ужасу, она улыбнулась еще шире и выставила в мою сторону руку с туфлей.

– Олешка! Скажи им! – взмолилась она.

Толпа ахнула и всколыхнулась. Я почувствовал, как вокруг меня торопливо расширяется такое же пустое пространство. В мою спину впились десятки враждебных глаз, жадно ловящих каждое мое движение.

Двигаясь мучительно медленно, словно в полусне, я наклонился и поднял с земли помятый помидор.

– Извини, – произнес я одними губами, замахиваясь для броска...

* * *

– К Георгию Саттару, – пластиковая визитка перекочевала из рук посетителя в холеные пальцы метрдотеля.

– Вас ожидают?

– Разумеется.

– Подождите здесь, – отступив назад, метрдотель передал карточку кому-то в полумраке за спиной, – мы должны убедиться.

– Нет проблем, – человек снял солнцезащитные очки и, убрав их в карман, сложил руки за спиной и приготовился ждать.

Про себя он отметил любопытную закономерность – чем выше забирается человек по карьерной лестнице, тем сильнее он раздражается, когда его беспокоят по пустякам. Следуя этой логике, заявиться без приглашения *сюда* было почти равноценно самоубийству.

Через минуту из полумрака возник человек, который уходил проверять визитку и что-то прошептал на ухо метрдотелю.

– Можете проходить, Вас ожидают на второй веранде, – тот шагнул в сторону и слегка поклонился – человек, сумевший пробиться на прием к самому Председателю, того заслуживал.

– Благодарю, – отвесив ответный поклон, посетитель упругим, но неспешным шагом направился к ряду скрытых за ширмами дверей в дальнем конце зала.

Метрдотель провожал его задумчивым взглядом. Интересно, кто бы это мог быть? Обычно люди, входящие в столь высокие сферы, хорошо известны, и их лица регулярно мелькают в новостях и светской хронике. Сегодняшнего же визитера он видел впервые. Его суровое лицо с широкими скулами и аккуратной, даже немного щегольской бородкой он бы обязательно запомнил.

Спохватившись, метрдотель отвернулся и заспешил по своим делам.

Ведь он так долго продержался на этой работе еще и потому, что благоразумно *забывал* все то, чего ему помнить не следовало.

За тяжелыми бархатными портьерами посетителя поджидал рослый телохранитель, неуловимо смахивающий на экскаватор в дорогом костюме.

– Прошу прощения, – чуть виновато пояснил он, – но я должен Вас осмотреть.

– Да, конечно, – еле заметно вздохнув, человек остановился посередине тамбура и слегка отставил руки в стороны.

Телохранитель беззвучно скользнул к нему за спину и аккуратно, но быстро и тщательно начал ощупывать гостя. Его ловкие пальцы скользнули по волосам, пробежали по рукавам пиджака, на мгновение задержавшись под мышками, и зашарили дальше. Посетитель

почувствовал, как против своей воли начинает покрываться потом. Повинуясь указаниям охранника, он приподнял сначала одну ногу, затем другую, дав осмотреть подошвы своих ботинок. На этом осмотр закончился.

– Прошу прощения за доставленные неудобства, – телохранитель отступил в сторону и подвел итог, обращаясь к скрытому микрофону – он чист. Парик, накладные скулы и борода. Костюм рассчитан на ношение под ним кобуры. В нагрудном кармане лежат солнцезащитные очки. Признаков генных инъекций не обнаружено.

Кивнув своему невидимому собеседнику, он шагнул к двери и взялся за ручку.

– Очки можете оставить, но одевать их запрещено.

– Хорошо.

– Проходите, – дверь распахнулась, окатив гостя потоком теплого солнечного света.

– Спасибо, Паша, можешь идти, – произнес негромкий, чуть надтреснутый голос, владельца которого после полумрака тамбура мешал рассмотреть яркий свет.

Дверь беззвучно закрылась, и посетитель с облегчением выдохнул. Немного проморгавшись, он, наконец, смог сфокусировать взгляд на сидящем за столом пожилом человеке, весь облик которого состоял из двух вещей: пятнистого как лунная поверхность абсолютно голого черепа и глаз, затягивающих бездонной чернотой двух пулеметных стволов.

– Ох, умоляю, не смотрите на меня так! – поморщился гость, – опять голова разболится.

– Я просто хотел убедиться, что это действительно ты.

– И как?

– Ответ утвердительный, – усмехнулся старик, – хотя замаскировался ты основательно.

– Ваш ангел-хранитель на мой камуфляж не повелся.

– Еще бы! Он же Перфект!

Посетитель пододвинул себе стул и сел, вытирая платком вспотевшую шею.

– Не люблю я их, что бы Вы там ни говорили, – буркнул он, – когда он меня ощупывал, я чувствовал себя, словно в пасти ротвейлера, который своими мощными челюстями делает мне массаж. Одно неосторожное движение и...

– Брось! Паша надежен как скала.

– Увы, ничего не могу с собой поделаться. Я не могу доверять тому, чего не понимаю.

– Он нормальный человек!

– Ха! Нормальный!

– Паша вежливый, предупредительный, терпеливый, да и с чувством юмора у него все в порядке. Чем он тебе не угодил?

– Чувство юмора бывает разное, – нервно дернул головой визитер, – некоторых индивидуумов, например, забавляет процесс отрывания лапок пойманным мухам.

– Иногда ты бываешь жутким занудой!

– Горбатого, как говорится...

– Как хочешь, дело твое, – костлявые пальцы приподняли и снова уронили на стол пластиковую визитку, – «Объединение Военных Отставных Диспетчеров»? Ты сам весь этот бред придумываешь?

– Приходится.

– «ОВОД» – ловко, конечно, но придумывать каждый раз новую правдоподобную расшифровку – можно и мозги вывихнуть.

– Это верно, – вздохнул гость, – моя фантазия уже на исходе.

– Семен Олешко? – старик снова скосил глаза на кусочек пластика.

– Так точно, Господин Председатель.

– Тьфу, Сереж, оставь эти формальности!

– Не могу, да и Вам не советую. А вдруг здесь кто... – гость зыркнул глазами по сторонам.

– Тогда ему осталось жить очень и очень недолго, – старик отрицательно покачал головой, – об этом не беспокойся.

– Как скажете, Георгий Андреевич.

– По чьему следу идет нынче наш надоедливый Овод?

– В данный момент я свободен. Отдыхаю пока.

– Что? Все так плохо? Неужели человечество достигло такого уровня в своем развитии, что для тебя больше не осталось работы!?

– О нет! Скорее наоборот, случилась редкая передышка. Пока в этом мире обитают люди, у них всегда будут случаться неприятности, требующие моего участия. Всегда будет нужен кто-то, ловко балансирующий на тонкой грани между Законом и Кодексом.

– Что ж, печально, конечно, что наш мир все еще несовершенен, но, с другой стороны, я рад, что ты не сидишь без дела, – старик подался вперед и наполнил стоящий перед гостем бокал, – вот, попробуй, другой такой возможности может и не представиться.

Овод отпил вина, задумчиво смакуя его вкус, затем посмотрел бокал на просвет, оценивая насыщенный цвет божественного напитка.

– Какой год? – поинтересовался он.

– Тридцать второй.

– О!

– Да, очень удачный урожай.

– Забавно...

– Что именно?

– Как легко создать видимость искушенности, – Овод выпил остатки вина и поставил пустой бокал на стол, – ведь на самом деле для меня все эти годы и сорта – пустой звук. Я ни бельмеса в них не смыслю.

– Тьфу! Жулик! – Председатель раздосадовано тряхнул головой, – только зря продукт извел.

– Такая уж у меня работа. У Вас свои хитрости, у меня – свои.

– Отныне ты получил в моем лице еще одного смертельного врага!

– Одним больше, одним меньше – я уже давно перестал их считать.

– Судя по всему, ты уже успел их немало нажать? Верно?

– Есть немного. Невозможно угодить абсолютно всем.

– И тебя это не гнетет? Не страшно?

– Видите ли, – Овод лениво потянулся и закинул в рот пару виноградин, – количество моих врагов с лихвой компенсируется количеством и, что немаловажно, *качеством* моих покровителей.

– Ха! Да у тебя и те, и другие – как на подбор! Большинство из них – члены Лиги, да?

– Такая вот специфика.

– Но почему именно ты? Я не знаю больше никого, кому удавалось бы так успешно и так *долго* крутиться в столь опасных сферах. То есть я знаю многих, кто пытался, но одни

сгинули, другие отступились, так и не добившись признания, а твое имя всплывает снова и снова. Почему?

– Ну, кого-то, возможно, привлекает моя принципиальность в отстаивании интересов клиента, кого-то – моя беспринципность в выборе методов работы. Мало кому удастся органично сочетать настолько несовместимые вещи.

– Ты по-прежнему бережешь и лелеешь свои «родимые пятна»? Так и не надумал от них избавиться?

– Зачем? Не вижу смысла.

– Неужели они тебе не мешают, при такой-то работе?

– Любой недостаток можно обратить в достоинство, любое препятствие, встающее на пути к цели, можно использовать как средство ее достижения. При таком подходе даже на патологической честности, как выясняется, можно делать неплохие деньги.

– Этого недостаточно, ты еще умудряешься каждый раз, когда с крыши срывается сосулька, оказываться на другой стороне улицы! Ты жуткий проныра!

– Спасибо за комплимент! – усмехнулся Овод, – видите, и от юридического образования тоже есть своя польза. Обычные люди слепо блюдут Закон, Вы – Кодекс, а я свободен и от того и от другого, и волен сам решать, чему подчиняться в той или иной ситуации. И в каждый момент времени я стараюсь находиться на той стороне улицы, где сосулек меньше.

– Мне бы твое чутье! – горестно вздохнул старик.

– Господь с Вами! Зачем? У Вас же есть свое собственное, не чета моему! Кроме того, Ваши руки много длинней моих, и вообще...

– Тем не менее, иногда мне все же недостает твоей ловкости и, возможно, удачливости.

– Что же Вам нужно от меня на сей раз? – Овод решил без лишних объяснений сразу перейти к делу.

– Есть одна... задача, – Председатель говорил неторопливо, осторожно подбирая слова, – не исключено, что она окажется несложной, но сказать заранее я не могу. Главная проблема состоит в том, что все надо проверить тихо, деликатно и без лишнего шума.

– Хм-м-м, занятно, – гость снова взял со стола пустой бокал из-под вина и посмотрел сквозь него на своего собеседника, – настолько деликатно, что Вы даже не пожалели дорогого вина ради того, чтобы попотчевать меня «Мемоблоксом»? Вы мне не доверяете?

В воздухе повисла многозначительная пауза. Затем старик поднял к глазам левую руку и бросил взгляд на часы, чья стоимость была сравнима с бюджетом небольшого государства.

– С того момента прошло около пяти минут, но ты все помнишь, – он поднял глаза на Овода, – ты принял антидот перед тем как идти сюда?

– Я всегда стараюсь быть готовым к любому повороту событий, – пожал плечами тот.

– Что ж, похоже, наше недоверие взаимно. Куда катится мир... – легкий толчок отправил бутылку с вином через стол, – я всего лишь хотел подстраховаться на тот случай, если ты откажешься.

– Но я еще и не согласился, – Овод снова наполнил свой бокал, – в чем проблема-то? Последние покушения?

– На этом фронте сейчас роет землю такое количество людей, что для тебя там уже не осталось места. На допрос свидетелей скоро придется записываться в очередь.

– Что же тогда?

– Я старею, и мне уже пора подумать о том, что будет после...

– Э-э-э, Вы это бросьте! К чему такая спешка?

– Сережа, некоторые вещи происходят вне зависимости оттого, успел ты к ним подготовиться или нет. И, если ты не хочешь, чтобы каждый день приносил тебе неприятные сюрпризы, то держи глаза и разум открытыми – таково мое правило. Тем более, что в последнее время жизнь стала какой-то особенно *непредсказуемой*, – подрагивающий костлявый палец нацелился на Овода, – тебя, кстати, эта участь когда-нибудь тоже не минует.

– Виноват, – потупился тот, – продолжайте.

– Так вот, – Председатель снова откинулся на спинку кресла, – я тут посидел, покумекал и составил завещание.

– Угу.

– Я хочу, чтобы все, кто в нем упомянут, когда настанет время, получили положенное в полном объеме, с соблюдением всех необходимых формальностей, и, самое главное, чтобы все прошло тихо и мирно.

– Ясно, – Овод поднял бокал, – Ваш сынок все-таки допек Вас? Решили преподать ему урок?

– Наши с Сашей взгляды действительно часто расходятся, не спорю, – старик осторожно кивнул, – мне совсем не нравятся его идеи относительно реформирования Лиги, но я далек от мысли устраивать ему мелкие пакости и показывать из гроба неприличные жесты. Я хочу лишь восстановить баланс и, если угодно, справедливость.

– Хитро закручено, но какая роль во всем этом мероприятии отводится мне?

– Найди моего сына.

– Простите? – бокал Овода замер на полпути ко рту.

– Моего *второго* сына.

* * *

«...элегантный классический костюм в приглушенных тонах настраивает на деловой разговор и не отвлекает внимание». Беда в том, что человек, одевший этот костюм чуть ли не впервые в жизни, неизбежно будет выглядеть в нем как пугало.

«...постарайтесь расслабиться и почувствовать себя комфортно в незнакомой обстановке». Как, скажите на милость, можно чувствовать себя комфортно, если вся окружающая обстановка нацелена на то, чтобы показать величие компании и произвести впечатление на соискателя?

«...речь должна быть свободной и естественной». С учетом того, что во время учебы в институте мы, как правило, пользовались такими словами, о которых здесь даже думать неуместно, задача оказывается не из легких.

Я, конечно, нервничал. Не каждый же день доводится проходить собеседование в крупнейшей химической корпорации! Стартуя с этого самого стула, вполне можно было докарабкаться аж до уровня министерства. Далеко не всем смертным предоставлялся такой шанс. Однако, с теми картами, что имелись у меня на руках, серьезно беспокоиться было не о чем. Без таких тылов мне не удалось бы даже близко подобраться к данному кабинету. Говаривали, что до меня было еще два прецедента, когда студентам, только-только защитившим диплом, предложили работу в «Юраско», но одно дело снимать с ушей чужую лапшу, и совсем другое – приобщиться к легенде собственноручно.

Где-то в глубине души я, несомненно, злорадствовал. Я всегда хотел доказать, что в этой

жизни кое-чего можно достичь и не имея полезных знакомств или порядочного запаса нахальства, и вот мой час настал. Несколько лет зубрежки, десятки бессонных ночей, проведенных перед монитором и декалитры химикатов – теперь все это осталось позади. Но теперь я знал, что все это время мучался не зря!

– Хорошо, – мой интервьюер, по-видимому, закончил со стандартным набором вопросов и подтянул к себе лежащий на столе планшет, – Ваш руководитель отзывался о Вас исключительно в положительном ключе.

Я еле заметно кивнул. Дополнительных комментариев не требовалось.

– Ваши работы в области наноструктурированных катализаторов представляются весьма перспективными и многообещающими, и видится целесообразным, чтобы Вы продолжили разрабатывать данное направление, но уже как штатный сотрудник Компании.

Я снова кивнул. Не зря же я столько горбатился над центрифугами и пробирками!

– Нам нужны грамотные специалисты, способные к самостоятельной работе и умеющие находить нестандартные решения. За два года работы в нашей лаборатории Вы показали, что обладаете всеми необходимыми качествами, и я не вижу причин, чтобы не продолжить наше сотрудничество.

– Взаимно, – согласился я.

– Однако прежде я хотел бы знать, что Вас *не* устраивает в нашем предложении?

– До сих пор меня все устраивало, – пожал плечами я, – надеюсь, у нас и дальше все будет отлично.

– В таком случае, что же Вы искали в офисах «СеверХима» и «ЕвроСтил»?

Нельзя сказать, чтобы он застал меня совсем уж врасплох, просто я предполагал, что сам заверну беседу в данном направлении. С другой стороны, теперь я выяснил, насколько оперативно работает их корпоративная разведка. Палец в рот не клади.

– Никогда не следует складывать все яйца в одну корзину, – философски заметил я.

– Это понятно, – мой собеседник похлопал планшетом по ладони, – как понятно и их желание поживиться всем готовеньким. Ай-ай-ай! Некрасиво, Вы не находите?

– Возможно, – сейчас главным было не поддаваться на его провокации и, одновременно, не перегнуть палку, – но с моей стороны было бы невежливо не ответить на их приглашения.

– А я ни в чем Вас и не виню, – он удивленно приподнял бровь, – это ведь всего лишь бизнес, не так ли?

– Должен же я был потренироваться, прежде чем идти к Вам! – я позволил себе улыбнуться.

– И какие условия они Вам предложили? – моя шутка просвистела мимо цели.

– Боюсь, данная информация не подлежит разглашению, – интересно, не зашел ли я слишком далеко?

– Да это и неважно, – интервьюер взмахнул рукой, словно отбрасывая в сторону данный несущественный вопрос, – в любом случае, они вряд ли могли предложить Вам что-то достойное. Они же не знают Вас так хорошо, как мы.

Настал мой черед озадаченно шевелить бровями. Вместо разъяснений он протянул мне планшет.

– Это стандартный контракт плюс некоторые дополнения, учитывающие Ваши заслуги, – я взглянул на экран и увидел, что в текст контракта уже вбиты мои данные, – мы предпочитаем нанимать сотрудников на долгосрочной основе, так что контракт рассчитан на пять лет.

– И что я...

– Если вкратце, то Вы получаете начальный годовой оклад триста двадцать тысяч, квартальные и годовые премии, а также оплачиваемый отпуск полтора месяца. Вы и члены Вашей семьи сможете за счет Компании пользоваться услугами корпоративного медицинского центра и отдыхать в нашем пансионате. Поскольку Вы иногородний, то Вам либо предоставляется квартира для проживания, либо беспроцентный кредит для приобретения собственного жилья. При продвижении до уровня начальника отдела (а в Вашем случае это может случиться довольно скоро, года через два) Вы получаете опцион на право приобретения акций Компании по льготной цене. Там есть еще кое-какие приятные мелочи, но я сейчас не буду в них углубляться. Все остальное – в Ваших руках.

– Похоже на сказку, – пробормотал я. До меня доходили сведения, что «Юраско» очень хорошо оплачивает наиболее ценных сотрудников, но не предполагал, что сразу смогу запрыгнуть так высоко, – а как насчет подводных камней? Дьявол обычно скрывается в мелком шрифте.

– Для нас крайне важно взаимное доверие, поэтому мы никогда ничего не скрываем от наших сотрудников, – мой собеседник даже несколько оскорбился, – так что никаких «подводных камней» Вы не найдете. Другое дело, что любой контракт накладывает *взаимные* обязательства, но здесь мы не пытаемся изобретать велосипед – все условия стандартные.

– И какие жертвы потребуются от меня?

– Основных условий два, – он поднял вверх два пальца, будто уже радовался своей победе, – во-первых, как я уже отмечал, минимальный срок контракта – пять лет, причем условия его досрочного расторжения очень жесткие, с серьезными штрафными санкциями. А во-вторых, каждый принимаемый на работу человек обязательно проходит процедуру Психокоррекции на весь срок действия контракта. Вы сами вольны выбрать салон, а мы предоставим корректировочную Карту, соответствующую корпоративным стандартам нашей Компании.

– Э-э-э, простите, – закашлялся я, – а нельзя ли как-нибудь обойтись без этого шарлатанства?

– Данное условие – обязательное для приема на работу в нашу Компанию.

Я прекрасно понимал, что должен держать себя в руках, что должен попытаться найти какой-нибудь компромиссный вариант, но, вопреки доводам разума, мои ладони стали влажными от пота, а лицо пошло красными пятнами.

Уже третий раз я слышал эту злосчастную фразу, возводящую барьер на моем пути. В двух предыдущих случаях я делал скидку на то, что пытавшиеся завербовать меня фирмы были не очень крупные и с радостью хватались за различные новомодные веяния. Тем более что я особо и не собирался соглашаться на их предложения, так, разведывал обстановку. Но теперь, услышав аналогичное предложение от менеджера по кадрам крупнейшей международной корпорации, я поневоле начал заводиться.

С годами мои первоначальные страх и отвращение, испытываемые перед людьми, добровольно согласившимися кастрировать свой разум сменились на легкую брезгливость. Я уже не покрывался потом при виде медальона на чьей-то шее, просто к данному человеку я не мог относиться иначе, как к моральному уроду. Но тот факт, что подобные недочеловеки всякий раз оказывались в глазах работодателей более привлекательными, приводил меня в бешенство. Чаша моего терпения переполнилась, и глухая ярость хлынула через край.

– То есть Вы предлагаете мне продать Вам свою душу в обмен на тепленькое местечко? – мой голос стал хриплым от стиснувшего глотку напряжения.

– Такова цена входного билета в земной рай, – подобной улыбкой, наверное, одаривал своих клиентов сам Мефистофель, – я же говорил, мы не изобретаем велосипед...

Сигнал телефона отозвался в голове воем зубной бормашины. К этому времени под столом скопилась уже изрядная батарея пустых пивных бутылок, но легче мне пока не стало. А вот голова уже разболелась.

– Привет, Олежка! Как дела? – проклятье! В таком состоянии меня раздражал даже жизнерадостный голос Киры.

– Никак, – угрюмо буркнул я.

– Что случилось? – обеспокоено спросила она. По моему голосу даже глухой догадался бы, что дела у меня обстоят неважно.

– Ничего.

– Ты ходил на собеседование?

– Ходил?

– И как?

– Никак, – тупо повторил я.

– Что значит «никак»? – недоуменно переспросила Кира, – тебя приняли или нет?

– Я отказался сам.

– Что!? Отказался!? Но почему!?

– Потому.

– Стоп, – я почти видел, как она привычным движением рубанула воздух рукой, – давай все по порядку. Тебе предложили работу?

– Ну, да.

– Деньги-то хоть нормальные?

– Пф-ф! – я помотал головой, отгоняя навязчивые воспоминания, – пальчики оближешь!

– Но что же тогда тебя не устроило?

– Обязательная Психокоррекция, – в моем представлении это словосочетание было равноценно последнему гвоздю в крышке гроба. Именно так я и постарался его произнести.

– Ты что, серьезно!? – Кира аж задохнулась, – из-за этой ерунды ты отказался от работы в «Юраско»!?

– Ничего себе «ерунда»! Если они принимают к себе только тех, кто соглашается на поголовное зомбирование, то мне с ними не по пути.

– Ты совсем рехнулся, что ли!? Одно дело, когда ты отвлеченно рассуждал о том, как хорошо быть белым и пушистым, но тут-то речь идет о реальности! Такие предложения бывают, возможно, единственный раз в жизни! Нельзя жертвовать своим будущим из-за какой-то глупой фобии!

– Это не фобия, а нежелание становиться Пустышкой! Я не хочу быть бессловесной послушной куклой в чьих-то руках!

– Ну с чего ты взял, будто из тебя собираются сделать куклу!? – возмутилась Кира, – ты в их корректировочную Карту-то хоть смотрел?

– Смотрел.

– И что там такого ужасного? Обязательство сделать себе харакири, если подвел родную компанию?

– Нет, обычный хлам, – я вздохнул, – корпоративная лояльность, неразглашение того, сего, отвержение любых предложений со стороны, повышение деловой порядочности, добросовестности, ответственности, блокировка алкогольной зависимости и все такое.

– И что тебе не нравится? Боишься, что не сможешь больше пить свое любимое пиво?

– Невелика потеря. Меня бесит сам факт того, что с виду серьезные люди буквально молятся на какое-то дешевое шарлатанство. Может, они еще для каждого сотрудника куклу Вуду заводят, чтобы втыкать в нее иголки, ежели что? Как бы то ни было, лично я не ощущаю потребности в улучшении или усилении чего-то в своей голове. Мне и так неплохо. Все свои достижения я совершил, оставаясь самим собой, без какого-либо мозгового «тюнинга». Если очень надо, я лучше абсента хлебну – совмещу, так сказать, приятное с полезным.

– Думаю, ты еще долго будешь искать место, где тебя примут с такими замашками.

– Ничего, подожду, – я вылил в рот остатки пива из бутылки, – никуда они не денутся.

– Это, скорее, ты сам никуда не денешься... или переквалифицируешься в дворника.

– Уж лучше так.

– Знаешь, как это называется?

– Ну?

– Безответственность!

– Это почему же?

– Потому, что ты только о себе думаешь! Ты – мелкий инфантильный эгоист! – Кира завелась и уже не могла остановиться, – тебе давно уже повзрослеть пора, третий десяток разменял, а все в облаках витаешь! Только и можешь, что вставать в позы и ждать, что весь мир начнет крутиться вокруг тебя! Не начнет!

– И что я должен сделать, чтобы стать взрослым в твоих глазах?

Перестать бриться и отрастить бороду?

– Кончай кривляться! Ты все прекрасно понимаешь! Взрослый человек отличается от ребенка тем, что отвечает не только за себя, но и за других людей. Тебе же родителей кормить надо, о своей семье подумать, наконец!

– Ха! Мой отец будет первым, кто удавит меня, узнав, что я согласился на Психокоррекцию.

– И что теперь? Умирать с голоду? Тебя же, в конце концов, никто не заставляет сообщать ему *все*.

– А с чего эта тема тебя-то так волнует? – устав от ее нападков, я решил перейти в контрнаступление, – твой-то какой здесь интерес?

– Ты не поверишь, – язвительно отозвалась она, – но мне безразлично, как складывается судьба моего друга.

– Ага! Ты в мечтах уже видела, как я покупаю тебе меха и бриллианты, и катаю тебя на лимузине по модным курортам?

– Прекрати!

– Знаешь что, – теперь завелся уже я, – если тебе так невмоготу, то иди и сама промывай себе мозги! Может тогда тебя куда и возьмут. Будешь потом меня содержать. Хе-хе!

– Уже взяли.

– С ума сойти! И куда?

– В «ЕвроСтил», причем, на очень неплохих условиях. Не так шикарно, как предлагали тебе, конечно, но я не привередливая. Мне ведь еще и учебу брата оплачивать надо.

– Но... но ведь они тоже требуют обязательную Психокоррекцию!

– Да, и у них прямо в главном здании есть очень уютный салон.

– И ты что...

– Да, я сегодня там побывала, – Кира хмыкнула, – что, сильно заметна разница?

– Не-а, – протянул я, – как ты дурой была, так дурой и осталась.

– Сам ты дурак, Олежка, – вздохнула она и повесила трубку.

Чтобы не оставаться в долгу, я швырнул телефон об стену. Задняя крышка отлетела в сторону, и вывалившийся аккумулятор укатился под шкаф. Ну и ладно, по крайней мере, теперь меня никто беспокоить не будет.

Я протянул руку и достал из холодильника очередную запотевшую бутылку.

– Эй, Макс, подожди! – я отыскал рослую худощавую фигуру возле выхода из главного корпуса института, – разговор есть!

Он обернулся и удивленно вскинул брови, заведя меня.

– Привет, Олег. Что стряслось?

– Когда у вас следующий пикет? И где?

– А-а-а, – понимающе кивнул он после недолгого раздумья, – отфутболили?

– Угу.

– Как я тебе и говорил. Насколько больно?

– «Юраско» – угрюмо буркнул я.

– О-о-о! – Макс прищелкнул языком, – высоко же тебе было падать! И теперь ты передумал?

– После такого пинка мне не терпится сказать им пару ласковых в ответ. Могу даже подержать транспарант... или что-нибудь потяжелее.

– Понятно, – он оценивающе окинул меня взглядом, – завтра, в шесть вечера, около салона «Открытое небо» на Бастрыкинской.

– Я приду, – то не было решением разума, принятым после тщательного взвешивания всех за и против и оценки возможных последствий. То был мятеж, эмоциональный протест, способ дать выход пару, накопившемуся у меня внутри.

Макс и его соратники уже давно отравляли жизнь психокорректорским салонам, хотя позже я выяснил, что они досаждали не только им – за определенную мзду было возможно устроить неприятности кому угодно. Разбитые витрины и распуганные клиенты всегда были в цене. Возможно, они действовали по заказу и указке конкурентов, желавших поправить свои дела за счет ухудшения положения других, не знаю. В любом случае, добровольцы, согласные принять участие в их акциях, да еще за бесплатно, только приветствовались.

Поскольку я никогда не делал тайны из своего отношения к Психокоррекции, то очень скоро оказался в «картотеке» Макса как потенциальный волонтер. Он уже пару раз подъезжал ко мне с предложениями, но до сих пор я предпочитал ненавидеть психосалоны заочно. Однако теперь моему терпению пришел конец.

Да, их пикеты почти всегда заканчивались битьем витрин и стычками с полицией, но, похоже, именно это мне сейчас и требовалось...

Первые пятнадцать минут я еще пытался не отставать от остальной толпы, скандирующей заранее разученные речевки типа:

«Все, от плебеев»

До важных шишек —
Вступайте в ряды
Безмозглых Пустышек»!

Или вот такой:

«Свободой своей
Дорожит только трус!
Теперь я – Пустышка,
И этим горжусь»!

Не говоря уже о банальных: «Пустышки – мартышки!» и прочих подобных словесных плевках. Однако вскоре мое нетренированное горло охрипло, и я начал скучать. Моя душа требовала более активного действия. Чтение развернутых над головами транспарантов развлекало меня недолго. На мой взгляд, лучшим из представленных произведений было: «Труд сделал из обезьяны человека – Психокоррекция сделает из него амебу!»

Вообще-то, пикет, собравшийся перед салоном, насчитывал лишь несколько десятков человек, но грамотное распределение людей по улице и активная генерация шума создавали впечатление, что протестующих собралось гораздо больше. Время акции было подобрано таким образом, чтобы заблокировать в салоне как можно больше клиентов, основной наплыв которых, как правило, приходился на конец рабочего дня, когда люди заходили сюда по дороге с работы. И теперь сквозь стекла закрытых дверей можно было видеть их лица – раздосадованные и немного испуганные.

Я вдруг подумал, что кто-то из них завтра вполне может занять мое место в «Юраско», и клокотавшая внутри злость всколыхнулась с новой силой.

«Крыша, подстилка,
Корыто с едой,
Хряк по субботам —
Вот выбор твой»!

Нестройный хор голосов загудел снова, и я присоединился к нему с удвоенной энергией. Через некоторое время те, кто стоял впереди, видимо, устав от безделья, начали в такт с декламированием раскачивать железную ограду вокруг здания салона. Я уже решил было, что мне стоит к ним присоединиться, как кто-то толкнул меня в бок.

– Ты – Олег? – обернувшись, я увидел невысокого пухлого парня с красным, покрытым испариной лицом. Он так тяжело дышал, будто перед этим пробежал не меньше километра.

В руке он держал тяжелую черную сумку, с которой старался обращаться как можно деликатней.

– Да, – кивнул я, гадая, что ему от меня понадобилось.

– Василий, – он перехватил сумку и протянул мне правую руку, – Макс сказал мне, что на тебя можно положиться.

– Положиться? – непонимающе нахмурился я, – в чем?

– Пошли, – Василий потянул меня за рукав, – отойдем в сторонку.

Мы протолкались сквозь толпу, которая тем временем начинала все больше распалаться, и присели около забора. К этому моменту выкрикивание лозунгов уже перешло в неразборчивый рев, сотрясаемая демонстрантами ограда жалобно скрипела и лязгала. Чтобы слышать друг друга, нам с Василием приходилось почти кричать.

– Надо немного позажигать, – объяснил он, – поможешь?

– Что делать-то надо? – осведомился я.

– Вот, смотри, – Василий расстегнул сумку, и мне в лицо дохнуло запахом бензина, – две бутылки твои. Когда начнут кидать камни, мы подождем, пока разобьют витрину, потом бросаем. Старайся по возможности попасть в разбитое окно, чтобы вызвать пожар, но это не обязательно. Психологического эффекта вполне достаточно. Ясно?

– Ясно.

– Ты не боишься?

– Нет, – в моей крови забурлил адреналин, и, если где-то и пробивались ростки страха, то они были мгновенно сметены нахлынувшим азартом, – откуда бросать-то будем? Отсюда?

– Да ты что! – Василий посмотрел на меня как на идиота, – мы же тут как на ладони! Нас сразу же заметут! Сейчас вернемся в толпу, и примерно из второго-третьего ряда и будем бросаться. Потом сразу же все разбегаемся.

– Понятно.

– Тогда за дело, – он подхватил предательски булькнувшую сумку, и мы начали проталкиваться обратно к входным воротам.

Забившись в самый центр толпы, мы остановились и стали дожидаться подходящего момента. Здесь, в гуще событий, мною овладело необычайное возбуждение. Все происходящее казалось немного странной, но вполне безобидной шумной вечеринкой. Мысль о том, чтобы бросить бутылку с зажигательной смесью в окно, где находились люди, не вызывала абсолютно никакого отторжения и в данной ситуации представлялась совершенно нормальной и естественной.

Я раньше читал об особенностях поведения человека в толпе, когда критическое восприятие действительности отключается, и ты становишься бездумной частью «коллектива», но сейчас мне было некогда остановиться и посмотреть на себя со стороны.

Толчок в бок несколько вернул меня к действительности.

– Бери, – Василий протянул мне две бутылки со свисающими хвостами тряпочных фитилей, – сейчас начнется самое интересное.

Неизвестно, откуда он знал, когда и что будет происходить, но действительно почти сразу же послышался глухой удар, за которым последовал долгий и переливчатый звон бьющегося стекла. Толпа одобрительно заревела.

Еще пару бутылок он вручил другому парню, щуплому и белобрысому, которого, по-видимому, «завербовал» раньше.

– Пусть разобьют еще пару окон, – в руках у Василия появилась зажигалка, – потом бросаем и немедленно делаем ноги. Понятно?

Я кивнул.

Вслед за первым камнем на витрину салона обрушился целый град палок, камней и пустых пивных бутылок. Поверх голов мне было видно, как под напором демонстрантов начинает заваливаться кованая ограда.

– Ну-ка, ну-ка, – Василию пришлось подпрыгивать, чтобы разглядеть, что происходит

впереди, – кажется нам пора!

Он чиркнул зажигалкой, и в наших руках вспыхнули смертоносные свечи.

– Расступись! – он всем своим весом навалился на подпиравших нас сзади людей, освобождая нам пространство для маневра, – давай!!!

Мы с белобрысым синхронно размахнулись и швырнули поверх голов наших бензиновых джиннов.

«ф-р-р-р-р!» – пропели горящие фитили, и ответным эхом из осаждаемого салона донесся пронзительный женский визг. Не останавливаясь, я перехватил в правую руку вторую бутылку и бросил ее вслед за первой. Аналогично поступил и мой напарник.

– В яблочко! – восторженно воскликнул Василий, но тут же перешел на деловой тон, – все, расходимся. Быстро!

И тут же невероятным образом растворился в толпе, которая, словно протрезвев от содеянного, отхлынула от искореженной ограды и начала стремительно рассыпаться по окрестным улочкам. На данный случай у меня не было припасено какого-либо плана действий, и я тупо стоял и смотрел, как огонь лижет рамы, усеянные кривыми зубами остатков выбитого стекла. Возбуждение схлынуло, уступив место опустошенности и апатии.

– Куда идти-то? – услышал я вопрос и, повернув голову, обнаружил, что мой тощий поделник все еще здесь.

– Домой, – вздохнул я, но в следующую секунду донесшийся из-за угла дома вой полицейской сирены вывел меня из оцепенения, – и не идти, а бежать!

Обгоняя других людей, мы рванули в противоположном от приближающихся сирен направлении, но очень быстро обнаружили, что так просто ничего не бывает. Из-за поворота улицы впереди показались полицейские в полном боевом облачении, с дубинками и щитами. Вой сирен выгнал нас прямо на ловцов. До них оставалось меньше ста метров, когда ситуация усугубилась еще сильнее.

Вынырнувший из-за частокола пластиковых щитов офицер окинул взглядом заполненную мечущимися людьми улицу и неожиданно указал рукой прямо на нас. Полиция явно действовала не вслепую. Камеры видеонаблюдения наверняка зафиксировали наши «подвиги», и легко отделаться у нас теперь уже не получилось бы.

Первым моим побуждением было метнуться в ближайшую подворотню, но я вовремя сообразил, что таким образом смогу лишь отсрочить неизбежное. Лабиринты окрестных дворов были мне совершенно незнакомы, и я оказался бы в них как в ловушке. Вместо этого я принял неожиданное и на первый взгляд парадоксальное решение и что было сил помчался вперед, навстречу разворачивающейся полицейской шеренге.

– Ты куда!? – воскликнул мой коллега по несчастью, но, судя по топоту за спиной, последовал моему примеру.

Наш отчаянный маневр явно застал полицейских врасплох. Мы пролетели буквально в нескольких метрах от вытянутых в нашу сторону дубинок, и запоздалые крики и требования остановиться неслись уже нам в спину. А гоняться в полной выкладке за двумя полоумными студентами – абсолютно бессмысленное занятие.

Впрочем, этим можно заниматься и сидя в патрульной машине.

Я услышал, как сзади коротко взвизгнули шины, взвыла сирена, и ее оглушительный вой начал быстро приближаться. Бег по прямой себя исчерпал, и мы нырнули в первый же переулок, надеясь, что подготовить на нас здесь засаду еще не успели.

Тесный дворик снова вернул нам преимущество. Хлопки дверей свидетельствовали о

том, что полицейским пришлось продолжить погоню на своих двоих. Я с трудом поборол в себе желание обернуться и посмотреть, далеко ли мы оторвались от преследователей. Знание это вряд ли чем-то мне поможет, а вот споткнуться я могу элементарно. Мой коллега, однако, все же не вытерпел и решил бросить короткий взгляд назад, чем тут же подтвердил правильность моих рассуждений.

С коротким приглушенным матюком он взмахнул руками и растянулся на земле. Здесь мне и следовало бы его оставить, но удивительно неуместный в данной ситуации дух солидарности заставил меня притормозить. Я схватил бедолагу за шиворот и снова поставил на ноги.

– Не зевай! – огрызнулся я и уже, было, побежал дальше, но парень вдруг охнул и запрыгал на левой ноге.

– Я ногу подвернул! – простонал он, нервно озираясь на приближающихся полицейских. Мне представился второй шанс оставить его и спасти свою шкуру (тем более что полицейские наверняка задержались бы, чтобы его скрутить), но я опять его упустил. Я закинул его руку себе на шею и наполовину понес, наполовину поволок его, охающего и стонущего, дальше, к ведущей из двора арке. Преследователи, сообразив, что их добыча уже никуда от них не денется, сбавили темп и перешли с бега на быструю ходьбу. Развязка была уже близка.

Темнота арки охватила нас гулким эхом нашего же кряхтения и шарканья. В голову лезли злорадные и назойливые мысли, что я сам дурак, что надо было сидеть дома, что нечего было соглашаться на Васильевы провокации, что надо было разбежаться по одному, и что еще не поздно эту бестолочь здесь бросить.

Последняя идея немного задержалась, предоставляя возможность повнимательнее рассмотреть свои соблазнительные формы, но додумать ее до конца я не успел.

Коротко скрипнув тормозами, перед нами, у самого выхода из арки, резко остановилась дорогая черная машина. Ее задняя дверь распахнулась.

– Сюда, быстрее! – крикнул кто-то сидевший внутри.

Времени на раздумья почти не было. Я сперва засомневался, не ловушка ли это, но донесшиеся сзади крики преследовавших нас полицейских недвусмысленно дали понять, что происходящее – не их затея. Поднатужившись, я предпринял последний отчаянный рывок и буквально влетел в салон вместе со своей хромающей и стонущей ношей. Дверь захлопнулась и машина сорвалась с места.

Первое время мы были заняты распутыванием наших рук и ног. На поворотах нас таскало по салону из стороны в сторону, что только осложняло задачу. Разобравшись, наконец, с непослушными конечностями, мы плюхнулись на диван и облегченно вздохнули.

– А куда мы... – попытался я задать вопрос.

– Помолчите пока! – довольно резко оборвал меня человек, сидевший справа, рядом с водителем, – мы еще от хвоста не отделились!

Я послушно умолк и попытался хоть немного рассмотреть наших спасителей, насколько это позволял царивший в машине полумрак.

Парень, сидевший за рулем и лихо вращавший баранку, был примерно моего возраста. Его светлые волосы топорщились в разные стороны, что свидетельствовало, скорее, не о хитрой их укладке, а о давней немытости. Он был всецело сосредоточен на процессе управления и, надо отдать ему должное, справлялся с этим великолепно. Нам, сидящим на заднем диване, приходилось крепко держаться за ручки дверей, чтобы не летать по салону.

Его высунутый от усердия язык влажно блестел в свете приборной панели.

Тот, что справа, оказался существенно старше, и о его прическе сложно было сказать что-то определенное, ввиду ее крайней малочисленности. Острый прямой нос и плотно сжатые губы буквально излучали невозмутимость и спокойствие. Казалось, будто происходящее вокруг совсем его не волнует, и он абсолютно уверен в своем превосходстве над обстоятельствами.

Машина влетела в переулочек и внезапно так резко остановилась, что я чувствительно ударился о спинку переднего сиденья.

– Пригнитесь и молчите! – приказал нам шофер, выключая двигатель, и, нырнув под руль, добавил, – и не дышите даже!

Нам ничего не оставалось кроме как сползти с сиденья и, съежившись на полу, стараться издавать как можно меньше шума и ждать дальнейших распоряжений.

Где-то вдалеке прокатилось завывание сирены и снова скрылось в паутине улиц, чтобы вернуться через пару минут. Снизу я мог только видеть, как по подголовникам запрыгали синие и красные отсветы полицейских мигалок. Воздух наполнили белые сполохи, а затем ослепительный луч навывлет прошел салон нашей машины. Он словно съел все остальные звуки, оставив в ушах лишь гулкое буханье сердца.

Секунда, другая... Луч скользнул дальше, обшаривая припаркованные рядом автомобили. Полицейская машина, похрюкивая обрывками радиопереговоров, с глухим урчанием прокатилась мимо. Мы снова остались в темноте одни.

– Все уже? – сипло прошептал мой сосед.

– Молчите и не высовывайтесь! – водитель осторожно приподнял голову и выглянул из-за спинки сиденья, – еще ничего не закончено.

Он осторожно отпустил тормоз, и машина потихоньку покатила назад под уклон. В отсутствие шума мотора было слышно, как поскрипывает подвеска и шуршат шины. Я видел, как в боковом окне проплыл угол дома, затем фонарный столб – мы выкатились на пустынный перекресток и также беззвучно скрылись на его другой стороне. Здесь водитель заехал задом во двор, развернулся и, включив, наконец, двигатель, поехал дальше уже по-нормальному.

– Вот теперь можете дышать, – смилостивился он над нами, – вроде бы улизнули.

– Уф! – раздался в ответ дружный вздох облегчения.

– Во избежание неприятностей предупреждаю сразу, – без вступления заговорил тот, что справа, – говорить буду я, а вы двое будете слушать и открывать рот, только когда я разрешу. Понятно?

– Угу, – кивнули мы в ответ.

– Во-первых, – продолжил он, – никаких имен, адресов или телефонных номеров. Я – Старший, за рулем – Япет и только так. Себе кликухи придумаете потом, а сейчас вы для меня будете Левый и Правый. Ясно?

Мы снова угукнули. Начало было многообещающим, вот только что именно оно обещало, оставалось непонятным. Я пока еще не сообразил даже, радоваться ли мне неожиданному спасению или напротив – ждать еще больших неприятностей.

– Для начала позвольте поинтересоваться, что это у вас там было за мероприятие, в котором вы приняли столь деятельное участие?

– Пикет против диктатуры «психов», – выпалил мой сосед.

– Чем же вам Психокоррекция не угодила? – Старший чуть повернул голову, и я увидел,

как он иронично вскинул бровь, – чем они вас обидели?

– Мы против того, чтобы их «услуги» в обязательном порядке навязывали всем подряд! Это незаконно!

– А кидаться в окна горящими бутылками – законно?

– С чего Вы взяли? – я поспешил опередить своего напарника, опасаясь, что в приступе откровенности он может сболтнуть лишнего, – почему Вы решили, что это были мы?

– Почему? – в темноте послышался смехок, – по запаху!

Я поднес к лицу свои руки, обнаружив, что преследовавший нас всю дорогу запах бензина исходит именно от них. Чтобы взять наш след не потребовалось бы даже прибегать к помощи собак.

– Неужели, по-вашему, – продолжал Старший, – подобные выходки способны хоть что-то изменить?

– Если мы хотим добиться результата, – мой коллега явно не справлялся со сдерживанием распирающего его словесного поноса, – то действовать надо решительно!

– То, что вы там вытворяли, – в голосе Старшего послышалась усталая грусть, – было не решительно, а глупо! Вы лишь перераспределили поток клиентов в пользу конкурирующих салонов, но принципиально ничего не изменили. Люди банально использовали вашу неприязнь к Психокорректорам в своих целях, а вы как слепые котята пошли у них на поводу.

Как ни обидно это сознавать, но, по большому счету, он был прав. Ни Макс, ни Василий ничем не рисковали, предоставляя возможность простофилям вроде нас таскать для них каштаны из огня. Если бы мы попались, то даже при всем желании не смогли бы представить против них сколь либо существенных улик. А вот сами бы получили по полной программе!

– Вас послушать, – не унимался мой сосед, – так Вы лучше всех знаете, с какой стороны у бутерброда масло! И *правильный* план действий у Вас наверняка наготове.

– План появляется тогда, когда ты четко знаешь, какой цели желаешь достичь. Только после этого можно начинать думать о средствах ее достижения. Ваши же действия абсолютно бесцельны! Голый протест и только. Для чего вам тогда план?

На это Левый не нашел, что ответить, и в разговор пришлось вступить мне.

– Хорошо, что предлагаете Вы? Зачем Вы нас похитили?

– Похитили? Ха! – мои слова позабавили Старшего, – мы вас спасли!

– Что ж, спасибо. В таком случае, за нами должок.

– Сегодня я вытащил вас, но когда-нибудь и вы меня вытащите – и будем в расчете.

– Но ради чего вы это сделали?

– Мы тоже боремся с повсеместным засильем Психокорректоров, и нам нужны решительные люди, которые знают, чего хотят и не боятся действовать.

– Мы – это кто?

– Знаешь, вы ведь далеко не одиноки в своей ненависти к «психам». Но нам всем не хватает одного – грамотной организации и координации усилий.

– Ага! И тут из кустов появляетесь Вы!

– Не надо грубить, молодой человек! – голос Старшего стал жестче, – я хочу помочь вам, точнее, нам всем добиться результата, и, если Вы не будете меня перебивать, я расскажу, в чем суть моих предложений.

– Ладно, я слушаю.

– Нам придется действовать малой силой против целой системы, – продолжил

Старший, – однако, пусть даже нам придется сражаться с ветряными мельницами, наша задача не является невыполнимой. Главное – правильно выбрать точку приложения усилий.

– Вы знаете, где она?

– Да.

– Где же?

– Подробности я сейчас излагать не буду, – он отрицательно покачал головой, – скажу только, что бесполезно бить мельницу по лопастям, гораздо эффективнее будет сделать подкоп под ее фундамент.

– Так выдайте нам лопаты!

– Вы уверены, что хотите участвовать?

– Если есть хоть небольшой шанс все изменить, то я перестану себя уважать, если им не воспользуюсь!

– Хорошо, – кивнул Старший после некоторого раздумья, – тогда встретимся в пятницу, в семь вечера в кафе «Три табуретки». Знаете, где такое?

– Найдем, – заверил его я, а Левый согласно закивал головой.

– Отлично! А для того, чтобы наша встреча все же состоялась, я настоятельно рекомендую вам сегодня же сменить гардероб, а завтра с самого утра заглянуть в парикмахерскую. Если повезет, и вы не попадетесь – приходите. Если нет – мы с вами не встречались и ни о чем не разговаривали.

* * *

Когда-нибудь неумолимая эволюция избавит человека от ненужных более излишеств и сделает его существование еще легче и беззаботней. Как за ненадобностью человек избавился от хвоста, так однажды он расстанется с ногами – уже совсем скоро он окончательно перестанет ими пользоваться, перепоручив все перемещения своего тела различным транспортным средствам. Затем придет очередь рук, поскольку ловкие и расторопные машины освободят его от необходимости что-то самому ими делать. Под нож естественного отбора пойдут и другие органы, и, наконец, настанет очередь души, ведь от живых чувств и эмоций уже давно нет никакого проку, лишь одни неприятности.

Но эволюция нетороплива, и пока, чтобы поговорить с человеком, находящимся в другом крыле особняка, Георгию Саттару все же пришлось совершить некоторые телодвижения. Он протянул руку и взял трубку телефона. Посмотреть со стороны – выглядит немного дико. Он звонит своему сыну, с которым живет под одной крышей, и при этом лично общается с ним лишь на заседаниях Лиги. Что-то неладно в этом мире...

– Да, я слушаю, – экран проектора оставался пуст – Александр не любил видеосвязь, пусть даже с родным отцом.

– Я бы хотел вернуться к нашему последнему разговору.

– Так я и думал, – послышался вздох, – тут нам не о чем говорить. Твоя позиция мне известна, свою я менять не собираюсь.

– Напрасно. Ты можешь поставить под угрозу всю существующую систему.

– Да брось! Ты опять сгущаешь краски. В действительности, наши с тобой взгляды на перспективы дальнейшего развития Лиги не так уж сильно разнятся. Мы расходимся лишь в оценке текущего момента: ты считаешь, что еще рано, а мне кажется, что в самый раз. Ты

вечно перестраховываешься.

– А ты всегда прешь на рожон! – Председатель не сдерживал своего раздражения, – когда-нибудь ты точно допрыгаешься.

– Что ж, тогда это будет мне уроком, – поле битвы, пусть и скоротечной, оставалось за Александром, – но не в этот раз.

– Кстати, «этот раз» вполне может и не состояться.

– Ты о заседании Совета?

– Угу.

– Но почему? – удивился Александр, – все из-за последних инцидентов?

– Да. Сегодня мне звонили Карачан и Пешко – они официально уведомили меня, что не будут присутствовать. Еще один отказ, и созыв Совета потеряет смысл из-за отсутствия кворума. А даже если Совет и состоится, то наверняка будет посвящен совсем другим, куда более насущным вопросам.

– Вот дерьмо! – триумф несколько откладывался, – как легко манипулировать людьми, когда они напуганы!

– Я никем не манипулировал. Просто изложил людям факты.

– Ну да, конечно, – съязвил Александр, – и что за факты?

– Касательно последнего убийства.

– А поподробнее? Что ты успел раскопать?

– Вместо того чтобы занимать голову думами о светлом будущем, взял бы лопату, да поразгребал бы сам весь этот навоз! Были бы тебе факты.

– Это называется разделением труда.

– Ладно, проехали, – Георгий Саттар тряхнул головой, – я обследовал парикмахера – он вычищен точно так же, как и все остальные. Невинен как младенец.

– Никаких зацепок?

– Никаких, – если бы Александр в этот момент видел бы своего отца, то мог бы догадаться, что тот что-то замалчивает, но он сам заблокировал видеосвязь. Разговор по телефону все же имеет свои преимущества, – думаю, работал Коновал. Грубо, безжалостно, но, как видим, эффективно. Автографа не оставил. Зато есть одна недостача, которая меня здорово беспокоит.

– Какая?

– Влада до сих пор не нашли.

– Все еще не нашли!? Полный абсурд! Это же не пуговица какая-то, чтобы теряться!

– То-то и удивляет. Выходит так, будто он сознательно скрылся с места убийства.

– То есть ты хочешь сказать, что Перфекта замучили угрызания совести из-за того, что он не смог уберечь своего хозяина, и он решил тихонечко удалиться в пустыню, чтобы там замаливать свои грехи? Прямо ронин в бегах, честное слово!

– Не болтай ерунды!

– А что мне прикажете думать? Не мог же Левский сознательно заложить в своего Перфекта такую чушь!

– Тебе видней, – Председатель пожал плечами, – ты с ним больше моего общался.

– Я такую возможность исключаю, Стас был в подобных вопросах предельно пунктуален и корректен. Старший Арбитр, как-никак. Не мог он нам такую свинью подложить... – Александр запнулся, – ничего не понимаю.

– И ты еще удивлен, что люди напуганы! Где-то по городу шатается потерявший хозяина

персональный Перфект с непонятными тараканами в голове, и я каждый раз, когда начинается выпуск новостей, боюсь услышать что-нибудь страшное. Он ведь может целый жилой квартал выкосить, прежде чем его остановят. Это же танк ходячий, а не человек. Спасибо, что хоть паспорта смертника у него нет, уже легче.

– Зато у твоего Паши такая машинка есть, – недовольно буркнул Александр, – вместо этого, лучше бы вы их «страховали». Сейчас такая кнопка ох как пригодилась бы.

– Ну извини, чего нет, того нет, – Георгий Саттар развел руками, – не все из нас так маниакально подозрительны как ты.

– Как видишь, иногда это бывает полезным.

– Ладно, проехали, – Председатель устало провел рукой по голому черепу, приглаживая уже давно сгинувшие волосы, – вопрос в том, что мы будем делать дальше?

– Большинство, как я понял, озабочено тем, чтобы не стать следующим номером в списке?

– Да. Все, с кем я разговаривал в последние дни, собираются в ближайшее время безвылазно сидеть по домам и дожидаться прояснения ситуации.

– Как же все некстати!

– С убийствами всегда так.

– При этом совершенно непонятно, на чью мельницу льется сейчас вода, что раздражает больше всего, – в трубке послышался глухой удар – Александр постоянно вымещал свое раздражение на окружающей мебели, – создается впечатление, что ни на чью!

– Именно. Из-за этого все подозревают всех, а такое положение вещей ничем хорошим обычно не заканчивается. Рано или поздно у кого-нибудь сдадут нервы, и может произойти непоправимое.

– Только войны между Корректорами нам не хватало!

– Скажи спасибо, что происходящее до сих пор не стало достоянием широкой общественности. Пока все удастся удерживать в стенах Лиги, но невозможно долго прятать в мешке столь острое шило. Скандал – всего лишь вопрос времени.

– Как же я ненавижу это чувство полной беспомощности!

– Если не можешь ничего изменить – не думай об этом вообще, – усмехнулся Председатель, – таков мой рецепт. Надо на что-нибудь отвлечься, сходить в ресторан или в театр, например.

– Сейчас, как мне кажется, не самый подходящий момент для культпоходов.

– Все мы однажды умрем, но не отказываться же из-за этого от удовольствий жизни!

– Ха! Престарелый повеса!

– Пусть так, и что с того?

– Поступай, как хочешь, но я – пас.

– Ничего, мне не привыкать к одиночеству. Поразвлекаю себя сам.

– Куда намылился-то?

– В «Золотого быка», наверное, – Георгий Саттар похлопал себя по месту, где у прочих находится живот, – пусть желудок поработает, пока мозг отдыхает.

– Третья наживка заброшена, – Паша беззвучно материализовался из вечерних сумерек у него за спиной, – сколько осталось?

– Еще пара звонков, и, думаю, будет достаточно, – Георгий Саттар изучил лежащий перед ним на столе список, – наш клиент отличается отличной осведомленностью и не

должен упустить такого шанса.

– Крайне рискованная затея, – заметил Перфект.

– Знаю, – вздохнул Председатель, и по его лицу пробежала тень многолетней усталости, – но кто, кроме меня, может искупить мои ошибки молодости?

* * *

«Три табуретки» оказались крайне сомнительным заведением, расположенном в крайне сомнительном районе на самой окраине города. Несмотря на то, что я заранее ознакомился с картой, на его поиски у меня ушло около получаса, так что я немного опоздал, хотя планировал прийти заранее.

После блужданий по окрестным дворам, когда вечерний воздух неприятно охлаждал обстриженный затылок, кафе встретило меня теплом и аппетитными запахами. Еще несколько минут назад в приступе глухого раздражения я уже подумывал о том, чтобы развернуться и поехать домой, но теперь мое мнение переменялось, и я подумал, что все обстоит не так уж и плохо.

Не успел я еще сориентироваться в царящем внутри полумраке, как из-за одного из столиков выскочила нескладная фигура и яростно зажестукировала, привлекая мое внимание. По взлохмаченной шевелюре я опознал в ней Япета и поспешил ему навстречу.

– А мы уж думали, что больше никто и не придет, – он возбужденно затряс мою руку, – Старшой уже начал, давай скорее! Кстати, ты у нас кто?

– Термит, – я вовремя сообразил, что он интересуется отнюдь не моим настоящим именем.

– А-а-а, понимаю, – он улыбнулся и изобразил руками что-то вроде взрыва, – пш-пш-пш!

– Вроде того, – мне совсем не хотелось вступать с ним в дискуссии, в конце концов, я пришел сюда для того, чтобы пообщаться со Старшим.

Мы подошли к столику, за которым уже сидело пять человек. Поскольку я до сегодняшнего вечера видел Старшего лишь однажды, да и то со спины и в полумраке автомобильного салона, то узнал его не сразу. Его коротко остриженные с проседью волосы и угловатое лицо с решительным подбородком разительно контрастировали с остальной собравшейся братией, набранной в основном из студентов. Их лица были мне совершенно незнакомы. Я предполагал встретить здесь своего соучастника, Левого, но либо он передумал, либо его удержала дома вывихнутая нога. В принципе, это ничего не меняло, поскольку его я также не мог назвать своим знакомым.

– Познакомьтесь с Термитом! – представил меня Япет собравшимся.

– Рад, что ты заглянул, присаживайся, – Старший указал мне на свободный стул и добавил, обращаясь к своему водителю, – обслужи человека, хорошо?

– Нет проблем, – Япет кивнул и засеменял к стойке.

– Мы тут уже начали, – снова заговорил Старший, – так что я продолжу, а ты догоняй. Для опоздавших повторять на бис я не буду.

– Ладно, – кивнул я.

– Чтобы ты не чувствовал себя совсем уж потеряннным, то я кратенько представлю остальных, – он обвел рукой сидящих рядом с ним молодых людей, – Укол, Фауст, Скорпион и Фобос. Подробности выяснишь позже, если захочешь. Хотя я считаю, что в нашем деле,

чем меньше о тебе знают – тем лучше. Спишь спокойнее.

Четыре пары глаз посмотрели на меня так, словно подозревали во мне потенциального предателя. Я постарался ответить им тем же, внимательно рассмотрев каждого из них, но почти ничего примечательного не нашел. Первые трое были парнями лет двадцати, моими ровесниками. Скорее всего, они оказались такими же как я, студентами, получившими от ворот поворот, и не испытывающие особой любви к тем, кто возвел барьер на пути их карьерного роста. Интересно, они тоже кидались в окна салонов горящими бутылками прежде чем попасть в обойму Старшего?

Фобос несколько выпадал из общей картины как по возрасту, поскольку был явно старше, так и по комплекции, своей широкой спиной загораживая почти весь бледный вечерний свет, струившийся из окна. Его лицо не выражало никаких эмоций, возможно он уже неоднократно слышал все то, что рассказывал сейчас Старший, и просто терпеливо дожидался конца лекции.

– Итак, – голос Старшего прервал мои раздумья, – к настоящему моменту сложилась четкая структура, позволяющая безнаказанно качать деньги из карманов законопослушных обывателей. В данный порочный круг тесно вовлечены средства массовой информации, активно формирующие у людей требуемое мнение. Те, кто уже прошел Психокоррекцию, образуют что-то вроде огромной секты, подчеркнуто дистанцируясь от тех, кто еще не приобщился к «свету истины». Остальные, как мы с вами, чувствуют себя уязвимыми и неполноценными, мало-помалу склоняясь к мысли, что быть Пустышкой лучше, чем быть изгоем. Рано или поздно, если ничего не предпринять, такие как мы банально вымрут, и общество, выстроенное под одну гребенку, окажется беззащитным перед возможными вызовами. В полном соответствии с эволюционной теорией, лишившись изменчивости и способности адаптироваться к изменяющимся окружающим условиям, человечество исчезнет с лица Земли.

Япет поставил передо мной кружку пива, и после нескольких глотков я решил, что в такой уютной обстановке могу слушать эту лекцию сколько угодно. С перерывами на посещение туалета, разумеется.

– Это массовое безумие, охватившее людей – не первое и, увы, не последнее, – продолжал Старший, – но на сей раз оно зашло слишком далеко. Наша задача – разорвать порочный круг всеобщего оболванивания, пока деградация человеческого общества не стала необратимой. У людей должно оставаться право выбора.

– Легко сказать... – хмыкнул Фауст.

– Я понимаю, кажется маловероятным, что несколько человек способны нарушить работу огромной раскрученной машины. Но для того, чтобы наши действия были максимально эффективны, надо лучше представлять себе ее устройство и знать наиболее уязвимые места.

Старший окинул взглядом стол с опустошенными кружками и выразительно посмотрел на Япета, который, отрывисто кивнув, скрылся в направлении стойки. Такие заговоры мне нравились!

– Скажу сразу, – продолжалась лекция, – громить психокорректорские салоны, чем развлекались некоторые из вас, абсолютно бессмысленно. Вы лишь вызовете на свои головы гнев простых обывателей, что их посещают, и лишь расширите пропасть, пролегающую между ними и вами. Действовать надо иначе.

– Как? – одновременно спросило несколько голосов.

– Салоны – по сути, лишь окончания шупалец, тянущихся очень далеко... и высоко.

– Надо думать, – обронил Скорпион, на секунду оторвавшись от своей кружки.

– Все салоны принадлежат различным семейным Кланам Корректоров, и, в конечном итоге, являются проводниками политики, определяемой их Лигой. Все денежные потоки так или иначе замыкаются на ней, и оттуда же исходит стратегическое управление всей системой. Если мы хотим что-то изменить, то начинать надо оттуда, с самого верха.

– Да ну! – Укол безнадежно махнул рукой, – нам к ним ни за что не подобраться.

– А если я скажу, что это очень даже возможно? – Старший вопросительно приподнял бровь.

– Каким же образом?

– Корректоры, даже очень высокопоставленные – тоже люди, и время от времени выходят в свет. В этот момент простому смертному вполне можно их перехватить.

– И что дальше? – не унимался Укол, – и вообще, давайте конкретный пример в студию!

– Пожалуйста, вот вам пример, – Старший перевернул руки ладонями вверх, – в ближайший понедельник Георгий Саттар, Председатель Лиги, будет обедать в ресторане «Золотой бык» – чем не место для небольшого «камерного» пикета.

– «Золотой бык»? – с сомнением в голосе переспросил Фауст, – в подобные заведения кого попали не пускают.

– Нас пустят, это я беру на себя, – заверил его Старший, – от вас только требуется одеться поприличнее. Строгий костюм, галстук, и все такое.

– Допустим, – скептицизм Фауста не отступал, – но чем мы сможем пронять этого прожженного жулика? Поплачемся о нашей нелегкой судьбе?

– А вот тут мне потребуется ваша помощь. Одна голова хорошо, а три... четыре... шесть – лучше! Давайте свои предложения, и мы совместными усилиями что-нибудь да сообразим.

Япет выставил на стол очередную порцию пива и закусок, и мы начали мозговой штурм.

Вообще-то представлялось крайне маловероятным, чтобы наша разношерстная компания, как следует заправленная алкоголем, смогла бы в столь сжатые сроки породить что-нибудь дельное, но мы постарались. По мере того, как росло число опустошенных кружек, высказываемые идеи становились все более безумными, а их обсуждение все более жарким. Старший тем не менее сохранял невозмутимый вид и время от времени делал пометки в своем органайзере.

Сильнее всех распалялся Укол. Тех, кто был с ним не согласен, он обстреливал вишневыми косточками, воруя ягоды из вазы, стоящей перед Старшим. В конце концов, он разругался со всеми, кто сидел за столом, кроме Фобоса, являвшего собой его полную противоположность. За все время дискуссии тот открыл рот всего пару раз, да и то, лишь когда у него о чем-нибудь спрашивали. Тем не менее, Укол не мог этого так оставить и очередную косточку все же выпустил в него.

Выстрел оказался точным, но косточка так и не достигла цели, застряв между большим и указательным пальцами Фобоса в нескольких сантиметрах перед его лицом. Не говоря ни слова, и даже не глядя на ошарашенного Укола, он неторопливо опустил руку и положил косточку на блюдце. В горячке дискуссии никто не обратил внимания на данный инцидент, только Старший неодобрительно посмотрел на Укола, который после этого притих и до самого конца встречи вел себя тише воды ниже травы.

– Минутку внимания, – Старший деликатно кашлянул, прерывая спор, – ваша брызжущая идеями креативность, несомненно, впечатляет, но я хотел бы напомнить вам об одном

немаловажном обстоятельстве. Всех высокопоставленных Корректоров постоянно сопровождает личная охрана (знает кошка, чье сало съела!). Поэтому я бы посоветовал вам воздержаться от резких и агрессивных действий, поскольку это может привести к весьма печальным последствиям.

– Так они нас к Председателю на пушечный выстрел не подпустят! – разочарованно воскликнул Фауст, – скрутят еще на подходе.

– Не «они», а «он» – поправил его Старший, – Председатель Лиги пользуется услугами одного личного телохранителя. Тем более что «Золотой бык» – не то место, куда всем желающим можно приводить личные армии и устраивать потасовки. Если наша акция будет носить мирный характер, то нас скорее предпочтут перетерпеть, как меньшее из зол, нежели будут пытаться нас скрутить или выгнать.

– Хм, – Скорпион недоверчиво нахмурился, – такая большая шишка и всего один телохранитель? Что он сможет сделать, реши мы всерьез наkostenять его подопечному?

– «Всего один»? – снисходительно усмехнулся Старший, – если вы только *подумаете* о том, чтобы, как ты выразился, наkostenять Председателю, то следующим, что вы увидите, будут люди в белых халатах. Если повезет, конечно.

– А если не повезет? – обсуждаемая тема не на шутку меня заинтриговала.

– Тогда вы больше уже ничего и никогда не увидите.

– Так, – Скорпион развернулся к Старшему, – вот с этого места давайте-ка поподробнее! Что за командос его оберегает?

– Не командос, а Перфект. Его можно опознать по вытатуированному на груди медальону, означающему пожизненную Психокоррекцию.

– Кто-кто? Пер...?

– Перфект, – терпеливо повторил Старший притихшей вдруг аудитории, – живая машина смерти. Двуногий питбуль, которого сызмальства натаскивали на охрану любимого хозяина. Ничего другого он делать не умеет, но зато в этом деле равных ему нет. Так что не дразните его, и все будет хорошо.

После такого откровения градус нашего энтузиазма резко понизился, и новых гениальных идей больше не родилось. Тем не менее, Старший результатом обсуждения остался доволен и сообщил, что в его голове уже созрел План. Однако, в целях безопасности, он отказался посвящать нас в его подробности, сказав только, что мы все узнаем непосредственно на месте.

Получив на прощание инструкции насчет времени и места встречи в понедельник, мы скинулись Япету по паре монет за пиво и разошлись по домам.

«Золотой бык» являл собой полную противоположность «Трем табуреткам», что следовало хотя бы из его местоположения. Примостившийся на высоком скальном утесе, окруженный утопающими в зелени роскошными особняками, ресторан был средоточием всего, что было принято называть *элитным*. Сам этот район настолько дистанцировался от остального, лежащего в долине, мира, что даже общественный транспорт сюда не заглядывал. Япету пришлось совершить два рейса, чтобы доставить сюда всех заговорщиков.

Мой костюм, который я надевал уже, м-м-м, в четвертый раз, по-прежнему превращал меня в огородное пугало. По крайней мере, я сам был в этом абсолютно уверен. Думаю, униформа швейцара, открывавшего перед нами двери, стоила примерно на нолик дороже.

Не знаю, какие рычаги пришлось задействовать Старшему и за какие веревочки

подергать, но нашу пеструю компанию (все в костюмах, конечно, но вы же понимаете...) пропустили внутрь без каких-либо вопросов и проводили к зарезервированному столику.

Ее персональный состав по сравнению со встречей в «Табуретках» претерпел некоторые изменения. Надо сказать, что я не особо удивился, не обнаружив в наших рядах скептика Фауста, однако отсутствие здоровяка Фобоса показалось мне странным. Я даже предположил, что для него не нашлось подходящего костюма, но когда мы уселись за стол, Старший объяснил, что он останется ждать нас в машине вместе с Япетом, чтобы в случае чего прикрыть наше отступление. После такого разъяснения мои подозрения, что Фобос не так прост, как кажется, только усилились.

В то же время в наши ряды влились еще два новобранца: Икар и Стиллет, длинные и тощие, как и полагается нормальным студентам. Таким образом, вместе со Старшим ударная группа насчитывала шесть человек. В краткой вводной инструкции он разъяснил нам, что наша компания сегодня отмечает защиту его докторской диссертации.

Следом за нами каким-то непонятным образом умудрился проскользнуть и Япет. Как был, в мешковатой куртке и со своей неизменно всклокоченной шевелюрой. Он простонал, что нестерпимо хочет в туалет и полуубежал, полуухромал в сторону подсобки. По пути он умудрился зацепить стул, который упал с грохотом, который посреди тишины этого храма чревоугодия показался оглушительным. Раскланиваясь в извинениях перед повернувшимися на шум головы посетителями, он, наконец, скрылся за дверью.

Все это время Старший сидел, прикрыв глаза и терпеливо ожидая, когда закончится эта ниспосланная ему небесами кара. Своей неуклюжестью и нескладностью Япет мог поставить под угрозу всю нашу затею. Когда же бедолага, в конце концов, покинул ресторан, все вздохнули с явным облегчением.

Теперь все взоры устремились в разложенные перед нами меню. Элитарная надменность «Золотого быка» в частности проступала и в том, что вместо привычных электронных планшетов посетителям здесь выдавали классические дорого выглядящие папки с золотым тиснением. Кроме того, рядом с наименованиями блюд не была проставлена их цена, поскольку посетителей подобных заведений данный вопрос должен был беспокоить в самую последнюю очередь. После ознакомления с несколькими страницами холодных закусок я понял, что здорово отстал от жизни и, поглядев по сторонам, увидел схожее выражение на лицах остальных. Старший, по-видимому, был готов к подобному повороту и сам заказал официанту блюда для всех нас.

Несмотря на внутреннее сопротивление, я не мог не любопытствовать, кто же будет все оплачивать.

– У нашего, хм, движения гораздо больше сторонников, чем ты думаешь, – вполголоса объяснил Старший, – просто не все могут себе позволить работать вместе с нами, так сказать, в открытую. Вместо этого они оказывают посильную финансовую помощь. Так что не стесняйтесь.

И мы не стеснялись. Не каждый день выпадает такая возможность.

– А за каким столиком сидит наш объект? – любопытствовал Укол, не переставая усиленно жевать.

– Он еще не прибыл. Не беспокойтесь, я извещу вас, когда придет наше время, но не раньше.

– Почему?

– Чтобы ваши любопытные взгляды не вызвали подозрений у охраны.

– Не вижу ничего подозрительного в том, что окружающие глазают на известного человека, – Укол недоуменно пожал плечами, – что тут необычного?

– Да тут каждый второй – знаменитость, – немного раздраженно начал объяснять Старший, – а вы будете тарашиться на него одного. Вполне достаточно, чтобы профессиональный телохранитель почувал неладное. Так что лучше смотрите в свои тарелки – там сейчас самое интересное.

– Кстати, – подал голос Скорпион, – не пора ли посвятить нас в подробности предстоящей операции? Ну, там, куда бежать, что кричать и так далее.

– Всею свое время, – Старший отрицательно покачал головой, – не хочу, чтобы вы дергались заранее. Обещаю, что инструкции будут краткими и четкими. Ничего сложного, опасного или противозаконного.

– При таком раскладе вряд ли от нашего выступления будет большой толк, – буркнул я.

– Толк будет, не беспокойся. Вот увидишь...

Буммм!!!

Свет, шум, чьи-то голоса, яркая зелень листвы...

Буммм!!!

Озаряемые вспышками молний ветви рябины колотят в окно...

Буммм!!!

Проклятье! Мне достался именно тот билет, которого я не знаю!.. Буммм!!!

Да кто же это там так колотится, черт подери!?

Буммм!!!

Я приоткрыл глаза. Точнее один глаз, поскольку левый открываться отказался. Из размытых пятен постепенно сформировались ровные ряды кафельной плитки, убежавшие в далекую и туманную перспективу.

Я ничего не понимал.

Осторожно пошевелившись, я тут же пожалел об этом, так как моя голова показалась мне огромной железной бочкой, набитой перекатывающимися внутри чугунными шарами. Боль была просто ужасной. Можно было подумать, будто я бухал целую неделю напролет. Каждое движение и даже каждый удар сердца отдавались в черепушке колокольным набатом.

Буммм!!!

Я потрогал рукой левую щеку, и пальцы наткнулись на что-то липкое. Кровь! Вот те на! Какой интересный оборот получается!

Ободрав с ресниц засохшие бурые крошки, я, наконец, смог разлепить и второй глаз. Потом, морщась и постанывая, приподнялся на локте и сел.

Буммм!!!

Моя голова сама собой повернулась на звук. После того, как окружающий мир перестал ходить ходуном, я разглядел тяжелую железную дверь, подпертую куском трубы. По ту сторону слышались приглушенные голоса и какая-то возня.

Буммм!!! Дверь содрогнулась от удара, но не поддалась ни на миллиметр. Сам не знаю почему, но меня данное обстоятельство определенно порадовало.

Только сейчас я обратил внимание на пиджак, лежавший на стуле рядом с дверью. Это был не мой пиджак.

Медленно, словно опасаясь кого-то испугнуть, я обернулся.

Потом так же медленно и осторожно поднял вверх руки.

Мои глаза буквально впились в маленькое черное отверстие направленного мне в лоб ствола тяжелого пистолета. Я не дышал, и даже мое сердце, кажется, перестало биться. С трудом, через силу, я смог-таки проследить взглядом дальше, вдоль забрызганного кровью рукава, чтобы посмотреть на владельца оружия.

Если бы я мог, то поднял бы руки еще выше или вообще, превратился бы в статую. И испугало меня не строгое мужское лицо, не спокойный, почти равнодушный взгляд серых глаз, не плохо скрываемое белой рубашкой мощное мускулистое тело. Леденящий ужас вызывал видневшийся из-за расстегнутого ворота краешек небольшой овальной татуировки на груди.

Перфект!

– Страшно? – неожиданно вежливо осведомился он.

Я попытался что-то ответить, но вместо слов смог лишь икнуть и нервно дернуть головой, изображая утвердительный ответ.

– Похоже, что он действительно без червей в голове, – прокомментировал Перфект мои судороги.

– Подвинься, Паш, – донесся вдруг из-за его спины еле слышный хриплый шепот, – я хочу взглянуть.

Громила немного сместился в сторону, продолжая держать меня под прицелом, и я увидел сидящего у стены старика. Не узнать его было невозможно, даже несмотря на то, что его внешний вид довольно сильно отличался от того, что показывали по телевизору и печатали в глянцевых журналах.

Лицо Председателя было даже не пепельно-, а почти цементно-серым. Левой рукой он держался за свой бок, и вокруг его пальцев по белоснежной сорочке расплывалось влажно поблескивающее алое пятно. Сквозь искривленные мукой губы прорывалось сипящее тяжелое дыхание. По кровавым следам на полу можно было проследить, как его тащили от двери. Единственное, что еще продолжало жить на его лице, так это глаза – внимательные и пронзительные.

– Да, он чист, – кивнул старик, – убери пушку, Паш, не нервируй человека понапрасну.

– У меня все равно патроны закончились, – я даже не успел заметить, как пистолет мгновенно и беззвучно исчез в кобуре.

– Тебя как зовут, парень?

– Олег, – я вздрогнул, когда в запертую дверь снова кто-то ударил с той стороны, – а что здесь произошло? Где мы? Я ничего не помню.

– Это из-за сотрясения мозга, – пояснил старик, – тошнит?

– Есть немного.

– Извини, но у нас не было другого выбора, – иссохшее тело сотряс кашель, между пальцев скользнули темно-красные, почти черные струйки, – объясни ему, Паш, я не могу...

– Мы находимся в эвакуационном выходе из «Золотого быка», – заговорил телохранитель, – на Председателя Лиги было совершено покушение.

– Покушение!? А при чем здесь я?

– Ты – один из тех, кто пытался его убить.

– Я!? Убить!? – отозвавшаяся эхом боль в голове заставила меня стиснуть ладонями виски и немного убавить громкость, – вы с ума сошли! Мы планировали небольшой пикет, заготовили кратенький список требований, только и всего!

– Это от вас уже не зависело. В ваши головы была забита программа на убийство,

причем не только в ваши, а в головы почти всех посетителей ресторана. Вы попали под воздействие чрезвычайно сильного Корректора, способного действовать удивительно быстро, крайне эффективно и при этом чертовски скрытно. Мы ожидали нападения, готовились к нему, но, видимо, недостаточно тщательно, – телохранитель оглянулся на раненого босса, – один удар я все же пропустил.

– Ничего, Паш, все нормально, – прохрипел Председатель, – главное, что поставленная цель достигнута.

– Какая цель? – продолжал недоумевать я.

– Ты, – Перфект снова повернулся ко мне, – ты – единственная ниточка, что может вывести нас на организатора этого и других покушений. Так что постарайся оправдать принесенные жертвы, ведь Председателя ранили именно в тот момент, когда я тащил твое бесчувственное тело к выходу.

– Что вы такое несете!?! – я уже начинал терять самообладание, – какая еще ниточка!?! Я ровным счетом ничего не знаю и ничего не помню! Вы что, всех собак на меня теперь навесить хотите!?!

– Тише, тише, – охранник примирительно поднял перед собой руки, хотя их вид, в засохших бурых потеках, меня не особо сильно успокоил, – никто ничего на тебя навешивать не собирается.

– Тогда что вам от меня нужно? Объясните же, наконец!

В запертую дверь снова ударили, и наши головы дружно повернулись к ней. От стены рядом с дверным проемом откололся кусок штукатурки и упал на пол, разбившись в крошки.

– Боюсь, что сейчас не самый подходящий момент для объяснений, – буркнул Перфект, – времени у нас не так много. Они скоро ворвутся сюда.

– А кто там, за этой дверью? – поинтересовался я.

– Люди, жаждущие моей смерти, – объяснил Председатель, – так что нам надо убираться отсюда и поскорее.

– Каким образом? – я завертел головой, в первый раз за все это время осмотрев место, где очутился.

Помещение было похоже на станцию метро в миниатюре – небольшая платформа с парой подпирающих потолок колонн, простенькая скамейка посередине и черный полукруг входа в тоннель на дальней стене.

– Вон на том вагончике, – Паша указал рукой на небольшую кабинку, стоящую у края платформы, – он вывезет вас к подножию скалы. Если все работает как надо, то там вас уже будут ждать полиция и спасатели.

– Вот спасибо! – саркастически усмехнулся я, – только полиции мне сейчас и не хватало!

– Ничего они тебе не сделают, не волнуйся! Тем более что других вариантов все равно нет.

– И что значит «вас»?

– Я останусь здесь и постараюсь задержать толпу насколько смогу. Иначе они могут догнать вагончик и довершить начатое, ведь он едет не особо шустро.

Очередной удар сотряс несчастную дверь и поднял в воздух облако цементной пыли.

– Надо спешить! – телохранитель склонился над Председателем, намереваясь взять того на руки.

– Обожди, Паш, – прошептал старик, жадно хватая ртом воздух, – я боюсь, что не дотяну

до...

– Что же делать?

– Мне нужен Посыльный, чтобы кое-что передать...

– Но кто?

– У нас нет выбора...

Они повернули головы и оценивающе посмотрели на меня.

– Сынок, подойди-ка ко мне, – поманила меня дрожащая рука.

– Зачем? – настороженно нахмурился я.

– Я должен передать тебе кое-что.

– Что еще передать?

– Да подойди же, не бойся! Или тебя тащить силой?

Оказаться в лапах Перфекта мне совсем не светило. Я подошел к сидящему у стены Председателю и опустился на корточки, стараясь не наступить в растекающуюся по полу кровь.

– Я слушаю, – он был от меня на расстоянии вытянутой руки, и я смог рассмотреть его как следует. Как и следовало ожидать, в действительности Председатель Лиги выглядел совсем не так, как на обложках журналов или в телевизионных репортажах. Лишенный толстого слоя обычной ретуши, он оказался обычным сухоньким старичком, лицо которого покрывали пигментные пятна, особенно заметные в силу мертвенной бледности, а жиденькие остатки волос на висках растрепались и торчали в разные стороны.

Единственное, что осталось неизменным, так это его глаза. Их бездонную глубину и внутреннюю силу были не способны передать в полной мере ни глянцева полиграфия, ни телеэкран. Их взгляд манил и завораживал, манил и завораживал...

Пауза начинала затягиваться.

– Вы что-то хотели мне сказать, – не вытерпел я.

– Что? – встрепенулся Председатель, – а, ладно, неважно. Пора уносить ноги!

Я отступил в сторону, и Перфект, бережно, как младенца, поднял раненого старика на руки. Тот застонал, хватаясь за кровоточащий бок, его лицо исказила болезненная судорога. Опередив охранника с его ношей, я подбежал к вагончику и распахнул перед ним дверцу. Уложив своего хозяина на сиденье, громила склонился над ним, ожидая дальнейших указаний.

– Спасибо, Паша, – слова были еле слышно сквозь свистящее частое дыхание, – ступай.

Перфект сжал худую костлявую руку Председателя в своих огромных ладонях.

– Прощайте, – прошептал он, после чего наклонился и с удивительной и совершенно неожиданной для него нежностью поцеловал старика в лоб.

Выходя из вагончика, он жестом поманил меня за собой.

– У него повреждена печень, – негромко объяснил он мне, отведя в сторонку, и время от времени поглядывая на запертую дверь, в которую продолжали колотить с той стороны, – ему осталось жить считанные минуты.

– Что же делать?

– С этим, увы, уже ничего не поделаешь. Забирайся внутрь, и отправляйтесь – там единственная красная кнопка на панели. Разбей стекло и нажимай.

– Но как же...

– Давай, двигай! – Перфект развернул меня к вагончику и подтолкнул в спину, – и постарайся нас не подвести.

– Что?...

– Езжай!!!

Поскольку дальнейшая дискуссия была бесполезна, я сделал так, как он сказал.

Когда вздрогнувший как после долгого сна состав заскрежетал и пополз по рельсам, я почувствовал, как старик подергал меня за штанину.

– Сынок, – просипел он, когда я присел на корточки рядом с ним, – когда выберешься, постарайся найти одного человека – Сергей Оводцев, он тебе поможет.

– Поможет в чем? – не понял я.

– Найди... Поможет...

Рука, державшая меня за воротник, соскользнула и без сил упала на сиденье. Только чуть подрагивающие при каждом вздохе тонкие лиловые губы свидетельствовали о том, что в этом иссохшем теле еще теплится жизнь. Я оглянулся назад в тот самый момент, когда изгиб тоннеля скрыл из вида молчаливую фигуру, стоящую посередине платформы.

Оставшись в одиночестве, Паша отвернулся от черного зева тоннеля, откуда еще доносился скрип и лязганье, и внимательно осмотрел помещение. Затем задрал голову вверх и изучил потолок и подпиравшие его колонны. Кивнув каким-то собственным мыслям, он подошел к одному из бетонных столбов и запустил руку под рубашку.

Из-за пазухи Перфект извлек небольшую плоскую матово поблескивающую коробочку, напоминавшую стильный портсигар. На ее торце размеренно мигал зеленый огонек. Повозившись несколько секунд, он затолкал ее в щель под отслоившейся штукатуркой, после чего принялся готовиться к бою.

Паша сдернул с шеи галстук и обвязал его вокруг головы – чтобы пот не заливал глаза. Расстегнул и отбросил бесполезную более кобуру. Потом скинул перепачканную в крови рубашку...

То, что открылось под ней, не было предназначено для посторонних взглядов. Особо впечатлительные при виде обнаженного Перфекта могли упасть в обморок. И даже не от того, насколько мощным и совершенным было его тело, сколько от того, что тело это в значительной степени уже не было человеческим.

Начиная от груди и ниже по всему животу и бокам обычная кожа уступала место ороговевшей чешуе, что подобно доспехам укрывала наиболее уязвимые места. Такими же роговыми пластинами были защищены предплечья и плечи. По сути, неприкрытыми оставались только те участки, которые оставались видны из-под рубашки. Перекатывающиеся под кожей мускулы играли каждым волокном, словно кожи и не было вовсе. Примерно так выглядит учебный муляж, изображающий мышечную систему человека. Все тело Паши было усеяно мелкими черными точками – следами генных инъекций, которыми и достигался такой результат, превращавший обычного человека в гибрид гигантского насекомого и броненосца.

Он подошел к краю платформы и одним коротким рывком выдернул из бетонного пола кусок защитного ограждения, сваренного из толстых железных труб. Отломав все лишнее, Паша оставил себе кусок трубы длиной чуть менее двух метров. Он сделал им несколько пробных взмахов, рассекая воздух с басовитым гудением и, удовлетворившись результатом, застыл в ожидании посередине платформы.

Истерзанная дверь уже начинала поддаваться под градом наносимых по ней ударов. Следующим и последним рубежом обороны на пути тех, кто хочет прорваться к тоннелю,

являлся Перфект. А это куда серьезней, чем какая-то безмолвная дверь, пусть даже стальная.

Подняв тучу пыли, дверь, наконец, рухнула вместе с косяком. Гулкое эхо еще не успело завершить свой первый круг по залу, как в открывшийся проем хлынула разъяренная толпа. Замешкавшись на секунду, люди устремились к тоннелю. Они не обратили на одинокого человека, что стоял на их пути, ни малейшего внимания, поскольку не он был их главной целью – ею являлся Председатель. Ничто другое их в данный момент не интересовало.

Когда те, кто бежал впереди, приблизились, Паша взмахнул трубой...

Он не испытывал ни злости, ни жалости, как зарывшаяся в землю мина не испытывает никаких чувств к несчастному, что на нее наступил. Он делал свою работу – защищал хозяина. Любыми средствами. Перфект превратился в газонокосилку, что одну за другой срубала накатывающие на него людские волны. Мужчины, женщины, одни в белых поварских одеждах, другие – в респектабельных костюмах, объединяло их одно – пустой взгляд застывших глаз. Труба очень быстро стала скользкой от покрывшей ее крови, но это нисколько не охладило пыл нападавших, которые продолжали прибывать с каждой секундой. Они даже не пытались атаковать Пашу, максимум, на что хватало их воображения, так это по возможности обойти помеху стороной. Однако пока это никому не удавалось. Тела их предшественников громоздились на полу, затрудняя передвижение. Если так пойдет и дальше, то атака захлебнется сама собой, увязнув в баррикаде из собственных трупов. Надо постараться укладывать их более рационально...

В замкнутом помещении грохот выстрела больно ударил по ушам. Пуля ударила Пашу в грудь, забрызгав кровью колонну за его спиной. Отработанные рефлексy мгновенно блокировали боль, заперев ее в непроницаемой капсуле полного самоконтроля. «Повреждено правое легкое» – констатировал мозг, отключив вышедший из строя орган.

Плохо. Дефицит кислорода не позволит дальше действовать в полную силу, придется экономить дыхание. В конце концов, атакующих не обязательно убивать, достаточно вывести их из строя или просто на некоторое время задержать.

Но главной проблемой являлось то, что Паша никак не мог определить, кто и откуда в него стрелял. Ведь в данном случае некто действовал именно против него. Но вокруг себя Перфект ощущал лишь тупую, упрямую ярость, направленную мимо него, в глубь тоннеля. Никто из нападавших не был нацелен на него лично. Кто же стрелял? Он всматривался в окружающее пространство всеми своими чувствами, но не мог ничего нащупать...

Вторая пуля ударила в плечо, раздробив сустав и полностью выведя из строя левую руку. Перехватив трубу, Паша завершил удар, свалив еще двоих. Проклятье! Теперь он не сможет орудовать ей так же быстро, как прежде, и мимо него можно будет проскользнуть! Краем глаза он заметил, как по полу, цепляясь пальцами за кафель, ползут несколько человек, которым он перебил голени. Это не страшно, с такой скоростью они далеко не уползут, но вот если он пропустит кого-нибудь здорового... Паша начал пятиться к тоннелю, чтобы сократить пространство для обходного маневра. Здесь, правда, было меньше места и для трубы, но чем-то надо было жертвовать.

Кто же, кто стреляет!? Перед ним мельтешили пустые лица, руки, сжимавшие столовые ножи и обломки мебели, но все это предназначалось не ему. Его сознание нащупывало вокруг лишь пустоту, словно пули прилетали из ниоткуда, или... Или же это действовал другой Перфект! Такой же холодный и бесчувственный, как и Паша, он не оставлял следов на эмоциональной картине происходящего, а потому оставался невидим для его внутреннего ока.

Увы, но озарение пришло слишком поздно, практически одновременно с третьей порцией свинца.

Выпавшая из рук труба дребезжа покатила по каменному полу. «Поврежден позвоночник! Поврежден позвоночник!» – полыхало в мозгу в то время, как окружающий мир неторопливо переворачивался перед Пашиными глазами. Перфект повалился на пол, привалившись спиной к ограждению на краю платформы. Его лишившиеся контроля руки и ноги разметались в стороны безвольными плетями. Он видел, как люди пробегают мимо него, перелезая через заборчик и спрыгивая на рельсы, но не мог пошевелить даже мизинцем, чтобы хоть как-то им помешать.

Немного погодя в его поле зрения показались две ноги, чей обладатель, в отличие от остальных, никуда не торопился. Чья-то рука взяла Пашу за подбородок и откинула его голову назад так, что он смог увидеть того, кто стоял перед ним.

– Я так и понял, что это ты, Влад, – прохрипел он, с трудом шевеля непослушными губами, – а мы тебя уже обыскались.

– Я знаю, – Влад отступил назад, подняв сжимавшую пистолет руку, – извини, Паш, но мне надо закончить мою работу. Ничего личного, просто сегодня такой неудачный день.

– Это ты верно подметил, – согласился Паша, медленно заваливаясь набок, – неудачный...

По губам Перфекта скользнула странная улыбка, да так и застыла. Его глаза потухли, устремив взгляд в бесконечность.

Предельно чуткий слух Влада вдруг выловил из окружающей какофонии еле различимый посторонний звук. Какое-то размеренное попискивание. Он резко развернулся, отыскивая его источник, и еще успел увидеть, как на маленькой металлической коробочке, запрятанной в трещину на колонне, в последний раз мигнул зеленый огонек.

Стены тоннеля озарила короткая белая вспышка и тут же по моим ушам словно ударили две огромных ладони. В следующее мгновение я обнаружил себя лежащим в проходе между сиденьями, и сверху на меня сыпалось сверкающее крошево выбитых стекол. Наверное, примерно такой вид открывается для лежащей на дне сковороды телячьей отбивной, которую посыпают солью.

В нос ударил резкий запах гари. Ох! Не слишком ли образное сравнение я выбрал?

Я перевернулся на живот и, хватаясь за поручни, попытался подняться на ноги. Вагончик трясло и раскачивало как на разбитом проселке, но он продолжал ползти вперед. Все звуки куда-то исчезли, оставив вместо себя тонкий противный звон в ушах. А голова... то что с ней происходило, уже нельзя было описать как просто боль, это уже переросло ее рамки и отправилось дальше. Очень хотелось ее просто оторвать и выбросить куда подальше, все равно соображать в теперешнем состоянии она была не способна.

С трудом осилив подъем на четвереньки, я подполз к лежащему на сиденье старику.

– Господин Председатель! – произнесли мои губы, но я ничего не услышал и повторил погромче, – господин Председатель!!!

Я потербил его за плечо, немного испугавшись собственной фамильярности.

– Георгий Андреевич! Вы меня слышите?

Никакого эффекта.

– Господин Председатель!!! – заорал я что было сил, тряся его за плечи. Едкий холодный червячок, что заворочался где-то в районе желудка, похоже, раньше меня понял, что случилось. А вот я не понимал, точнее, отказывался понимать, поскольку меня совершенно

не прельщала перспектива оказаться наедине с еще теплым трупом столь влиятельного человека, – Господин Председатель!!!

Вагончик содрогнулся в последний раз и остановился, в разбитые окна хлынул яркий свет. Сквозь мерзкий звон в ушах потихоньку начали просачиваться и прочие звуки: топот шагов, голоса, бряцанье оружия. Щурясь и прикрывая глаза рукой, я поднялся на ноги и огляделся.

– Приехали, – пробормотал я, поднимая и вторую руку. Такого количества вооруженных до зубов полицейских разом я не видел еще никогда.

* * *

Клок! – Кр-р-рланг! – Клок! – Кр-р-рланг!

Древние напольные часы занимали в приемной Александра Саттара одно из центральных мест. Их хитроумный механизм столь неспешно отсчитывал время, что казалось, будто он тщательно разгрызает и вдумчиво пережевывает каждую секунду, прежде чем отправить ее в небытие. Матово поблескивающий маятник время от времени мелькал сквозь завесу из цепей и гирек, словно украдкой подглядывая за ожидающими приема посетителями. Такая утонченно-садистская подготовка должна была напоминать им о мелочности и суетности земного бытия и подготавливать их к встрече с Великим.

Впрочем, сегодня все эти усилия пропадали впустую, поскольку одна из двух женщин, сидевших на кожаном диване, приходилась Саттару-Младшему матерью, а вторая была его дочерью. Несмотря на то, что их разделяло около пятидесяти лет, упрямые гены смогли пробиться через два поколения, и было ясно, что уже скоро Юлия Саттар обретет такую же аристократическую угловатость черт лица, как и ее бабка.

В отличие от внучки, Миранду Саттар судьба не облагодетельствовала богатством и высоким положением с самого рождения. Ее долгий путь к самым вершинам властной элиты был извилистым и трудным. В своем восхождении она полагалась больше не на искусство соблазнения (хотя куда же без этого), а на ум, живой и гибкий. Сколько раз ее советы, подсказанные женской интуицией, помогали Председателю Лиги выпутываться из казавшихся безнадежными ситуаций, да еще и с выгодой! К сожалению или к счастью, но именно на этой ее «полезности» и держался их брак все эти годы. Георгий Саттар ценил свою супругу в первую очередь как исключительно ценного помощника, советника и друга, и только потом как женщину. А Миранде хватало ума понимать, что такова цена благополучия ее самой и ее детей. Она всегда четко знала свое место и пределы, до которых может доходить в своих желаниях и претензиях. Такова доля Первой Леди – вечно быть тенью своего супруга, а если и сиять, то лишь его отраженным светом.

Миранда в любой ситуации сохраняла полный контроль над собой и своими эмоциями. И даже сейчас только немного покрасневшие от усталости глаза давали знать, чего ей стоило известие о смерти мужа и проведенная в больнице бессонная ночь. Все остальное, вплоть до последнего волоска в элегантной прическе и последней складочки на сшитом по индивидуальному заказу платье оставалось безупречным.

Юлии Саттар на жизненном старте повезло больше, и теперь она, скорее, должна была заботиться о выстраивании эшелонированной обороны от пристального и подчас нездорового интереса к своей персоне со стороны окружающих. Хотя ей и не светило войти

в состав Лиги, поскольку дар Корректоров передавался только по мужской линии, все прочие прелести богатства и высокого положения оставались в ее полном распоряжении.

От бабки она унаследовала не только внешность, но и исключительную трезвость ума, которую сохраняла даже в самых критических ситуациях. В повседневной жизни, напротив, ее головка, протестуя, видимо, против обыденности и скуки, порой порождала такие безумные идеи, что ее родственникам еще долго приходилось разгребать их последствия. Впрочем, с возрастом это должно было пройти.

От матери Юлии досталась фигура, которую можно было назвать стройной лишь с некоторой натяжкой. И дело тут состояло не в злоупотреблении калориями, а в общей «основательности» конструкции ее организма. Однако, девушка относилась к данному обстоятельству с завидным спокойствием, прекрасно осознавая, что ее привлекательность для мужчин определяется совсем другими причинами. Тем не менее, нельзя было сказать, что она махнула на свою внешность рукой, а потому и беспорядок, царивший в ее светлых волосах, и легкая сумбурность в одежде, и макияж, ловко имитирующий отсутствие оногo являлись плодами трудов целой бригады стилистов и модельеров.

Она уже знала, что ее дед умер, но добиться от Миранды хоть каких-то подробностей Юлии так и не удалось. На все ее вопросы она отвечала одно и то же – твой отец все тебе расскажет. В конце концов, она оставила бесплодные попытки и стала молча ждать его появления, рассеяно наблюдая за качающимся маятником.

Клок! – Кр-р-рланг! – Клок! – Кр-р-рланг!

В коридоре слышались шаги и приглушенные голоса, и в приемную вошел их сын и отец – Александр Саттар. Высокий и стремительный, он словно источал вокруг себя своеобразную ауру, которая как водоворот захватывала и увлекала за ним других людей. Орлиный профиль, высокий лоб, грозящий с годами перерасти в полноценную лысину, пронзительный взгляд темных глаз – Саттар-Младший и так был видной личностью, а светлый костюм на фоне отделанной темным деревом приемной окончательно превращал его в центр Вселенной.

Следом за ним в зал буквально вбежал, торопливо перебирая короткими ножками, седовласый старичок с объемистым кожаным портфелем в руке. Очки и жиденькая борода делали его похожим на врача так, что если бы на него надеть белый халат, а на шею повесить стетоскоп, то получился бы натуральный доктор Айболит. В действительности же, профессор Аристов являлся старшим юристом Клана Саттар и специализировался совсем по другим «болезням».

[Купить полную версию книги](#)